

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО**

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО, ПРАВО

ХРЕСТОМАТИЯ

1997

ББК Ф1я-73-1
В 582

Печатается по решению редакционно-издательского совета Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Власть. Политика. Государство. Право: Хрестоматия /
Сост. Д. А. Ягофаров. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 116 с.

В хрестоматии представлены отрывки из трудов зарубежных философов, юристов, политологов, политиков прошлого и современности, в которых отражены их оригинальные взгляды на власть, политику, государство и право.

Предназначено для студентов, обучающихся по юридическим специальностям, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется вопросами государства и права.

Рецензент: доц. А. Т. Карасев

ISBN 5-230-06781-0

© Составитель: Д. А. Ягофаров, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	4
Арендт Х. Происхождение тоталитаризма	6
Бенеш Э. Демократия и дипломатия	12
Бжезинский З. Между двумя веками. Роль Америки в технотронную эру	13
Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии	15
Вятр Е. Социология политических отношений	21
Гегель Г.В.Ф. Философия права	23
Гельвеций К.А. Счастье. О человеке, его умственных способностях и его воспитании	40
Гроций Г. О праве войны и мира	48
Дюркгейм Э. Норма и патология	55
Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной ин- струкции. Дебаты шестого Рейнского ландтага	61
Мертон Р. К. Социальная структура и аномия	77
Монтескье Ш. О духе законов	87
Мэмфорд Л. Миф машины	92
Фаррел Д. Традиция в Америке	93
Хайек Ф.А. Путь к рабству	96
Штирнер М. Единственный и его собственность	97
Штраус Ф.Й. Выгода и свобода	109
Указатель авторов	114

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Изучение юриспруденции по одним лишь учебникам мало что дает в плане глубокого понимания сущности и содержательно-динамических характеристик главных объектов политико-правовой действительности – власти, политики, государства, права. В учебниках, даже самых удачных, дается лишь "выжимка" того, что было достигнуто за многовековую историю становления и развития науки о государстве и праве. Причем авторы их излагают обычно собственную интерпретацию взглядов и учений философов, юристов, политических деятелей, стоявших у истоков политико-правовой науки и развивавших ее в различные исторические эпохи. Поэтому студентам, да и преподавателям, часто бывает затруднительно сориентироваться во множестве мнений и разночтений одних и тех же политических и правовых понятий, положений и выводов, что неизбежно сказывается на качестве знаний.

Что же делать? Выход, по-видимому, один: необходимо обратиться к тому, что принято называть *первоисточниками*, т.е. к воззрениям, теориям и концепциям тех, кто строил фундамент и выстраивал само здание политико-правовой науки, и самому разобратся в том или ином интересующем вопросе, выработать собственное мнение, не будучи под влиянием разного рода интерпретаций.

Несмотря на все нарастающий поток политико-юридической литературы, среди которой немалый удельный вес занимают издания и переиздания произведений малоизвестных, "хорошо" забытых либо просто "закрытых" для широкого российского читателя политических мыслителей, философов, юристов, как отечественных, так и зарубежных, "голод" в такого рода источниках ощущается по-прежнему очень сильно. Централизованные публичные библиотеки, читательские фонды и научные библиотеки учебных заведений не могут обеспечить возрастающий спрос на первоисточники. Поэтому издание хрестоматий, в которые включаются отрывки из текстов работ различных авторов, приобретает исключительно большое значение.

Будучи относительно быстро, с учетом той или иной учебной дисциплины и, что особенно существенно в наше время, достаточно дешево изданными, хрестоматии могут и должны оказать существенную помощь всем, кто желает по-настоящему познать политико-правовую область социальной жизни.

Настоящая хрестоматия призвана хотя бы в некоторой степени заполнить "брешь" в учебном процессе, помочь студентам в освоении богатейшего пласта человеческой мысли, дать возможность познакомиться с воззрениями далекого и не очень далекого времени на государственно-правовую действительность.

В хрестоматии представлены отрывки из произведений 17 зарубежных авторов. (Осуществляя подборку отрывков, составитель старался в максимальной мере сохранить общий дух произведений и отразить главное во взглядах авторов).

Знакомясь с содержанием хрестоматии, читатель, очевидно, удивится эклектическому "набору" авторов, тому, что под одной обложкой "сосуществуют" представители самых разных эпох, философско-политических и правовых течений. Однако это сделано умышленно. Главным критерием здесь было то, что всех этих философов, политических мыслителей и деятелей, юристов объединяет общий предметный интерес – сфера власти, политики, государства и права.

В подготовке настоящего пособия большую помощь оказали С.В.Гайдук, Е.О.Гуркова, М.В.Шавкунов, которым составитель выражает искреннюю признательность и благодарность.

Составитель также будет признателен за критические замечания и предложения всем, кто конструктивно подойдет к оценке хрестоматии.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА*

До сегодняшнего дня нам известны лишь две формы подлинного тоталитарного господства: диктатура национал-социализма после 1938 г. и диктатура большевиков после 1930 г. Эти формы господства радикальным образом отличаются от других форм диктаторского, деспотического или тиранического правления. И хотя они с определенной последовательностью развивались из партийной диктатуры, отличительные черты, придающие им тоталитарный характер, это нечто новое, не являющееся производным от однопартийной системы. Цель однопартийных систем — не только захватить в свои руки бразды правления, но и, посадив во все правительственные учреждения членов партии, добиться таким образом полного слияния государства и партии: тем самым партия после захвата власти превращается в своего рода правительственную пропагандистскую организацию. Такая система является "тотальной" лишь в отрицательном смысле: правящая партия не допускает существования других партий и оппозиций, не допускает свободы политических убеждений. Партийная диктатура, захватив власть, оставляет нетронутыми существовавшие ранее отношения между государством и партией: правительство и армия сохраняют свою силу, и "революция" состоит лишь в том, что все правительственные посты заняты теперь членами партии. Во всех таких случаях власть партии покоится на монополии, гарантируемой государством, и у партии не остается больше собственного центра власти.

Тоталитаризм у власти использует государство в качестве ширмы, фасада, который представляет страну во внешнем, нетоталитарном мире. Тоталитарное государство как таковое является логическим наследником тоталитарного движения, у которого государство заимствует организационную структуру. Тоталитар-

---

* Отрывки из кн.: Арендт Х. Происхождение тоталитаризма. Нью-Йорк, 1966 (Arendt H. The origins of totalitarianism. N.Y., 1966).

ные правители обращаются с нетоталитарными правительствами точно так же, как они обращались с парламентскими партиями или внутрипартийными группировками до захвата власти: они снова сталкиваются – хотя теперь в большем, международном масштабе – с той же двойной проблемой: как защитить вымышленный мир движения (или тоталитарной страны) от столкновения с реальностью и как изобразить для внешнего, нормального мира видимость нормальности и наличия здравого смысла.

Над государством и за фасадом показной власти, в лабиринте бесчисленных учреждений, пронизывающая все слои управления, в хаосе беспорядка, спрятана реальная власть – власть сверхэффективной и всезнающей тайной полиции. Упор на полицию как единственный орган власти и, соответственно, умаление кажущейся мощи армии, характерные для всех тоталитарных режимов, могут быть, хотя бы отчасти, объяснены стремлением тоталитарного режима к мировому господству и сознательным пренебрежением различиями между собственной страной и иностранными государствами, между внутренними и иностранными делами. Вооруженные силы, подготовленные для борьбы с внешним агрессором, всегда являлись сомнительным инструментом для гражданской войны: даже в условиях тоталитарного режима вооруженным силам трудно смотреть на свой собственный народ глазами иностранного захватчика.

Те функции, которые тайная полиция выполняет для подготовки тоталитарной утопии мирового господства, являются, однако, вторичными по сравнению с тем, что она делает для реализации тоталитарного замысла в своей стране. Господствующая роль тайной полиции во внутренней политике тоталитарных стран в большей мере содействовала возникновению неправильного понимания сущности тоталитаризма. Все деспотические режимы опираются на тайную полицию, больше боясь собственного народа, чем любых зарубежных государств. Эта аналогия между тоталитарным и деспотическим режимами справедлива, однако, лишь для первых этапов формирования тоталитарного правления, когда в стране еще существует политическая оппозиция. Тоталитаризм при этом использует и сознательно поддержи-

вает нетоталитарные заблуждения, какими бы нелестными для режима они ни были.

На первых этапах создания тоталитарного режима тайная полиция и отборные партийные формирования играют, впрочем, такую же роль, что и при других формах диктатуры и при известных террористических режимах прошлого. Чрезвычайная жестокость их методов не находит себе параллели, если говорить об истории современных западных стран. Первая стадия выслеживания тайных врагов и охоты на бывших противников обычно сочетается с вовлечением всего населения страны в открытые организации и превращением старых членов партии в добровольных секретных сотрудников. Таким образом, специально подготовленные кадры полиции освобождаются от необходимости заниматься новобранцами – "сочувствующими", с их сомнительными политическими симпатиями. Именно на этом этапе для того, кто вынашивает "опасные мысли", сосед постепенно становится более опасным врагом, чем настоящий сотрудник полиции. Первый этап заканчивается после ликвидации открытого или тайного сопротивления в любой организованной форме. В Германии это произошло примерно в 1935 г., а в Советском Союзе – около 1930 г.

Террор становится подлинным содержанием тоталитарных режимов только после полного уничтожения настоящих врагов и начала охоты за "объективными врагами". Под предлогом строительства социализма в одной отдельно взятой стране или использования данной территории в качестве лаборатории для проведения революционного эксперимента или создания народной общности – тоталитарный режим приступает к осуществлению своей второй заявки, заявки на мировое господство. И хотя теоретически такое господство возможно лишь при условии создания всемирного правительства, тоталитарные режимы на деле показали, что эта часть их утопии может быть на практике доведена до почти полного совершенства, ибо она временно не зависит от поражения или победы... Главное отличие деспотической тайной полиции от тоталитарной заключается в том, что последняя стремится искоренить "опасные мысли" и не использует старый метод секретных служб – метод провокации. Поскольку тоталитарная

тайная полиция "выходит на оперативные просторы" лишь после усмирения страны, ее работа всегда кажется постороннему наблюдателю абсолютно ненужной либо, наоборот, приводит его к ошибочному суждению о существовании в стране подпольного сопротивления. В этой ненужности нет ничего нового: секретные службы всегда отчаянно стремились доказать свою необходимость и продолжать свою работу после того, как они выполнили свою основную, первоначальную задачу...

Секретные службы вполне заслуживали название "государства в государстве" – и не только при деспотических, но и конституционных, и полуконституционных правительствах. Уже тот факт, что тайная полиция держит в своих руках секретную информацию, дает ей неоспоримое превосходство над правительственными учреждениями и представляет открытую угрозу членам правительства. Тоталитарная тайная полиция, напротив, полностью подчинена воле Вождя, и он один, как это делал Сталин, может решить, кто из сотрудников тайной полиции будет ликвидирован. Поскольку полиция больше не разрешает использовать провокации, ее тем самым лишают единственного доступного ей средства оставаться независимой от правительства. Сотрудники полиции оказываются в полной зависимости от высших властей, которые могут лишить их работы. Подобно армии в нетоталитарном государстве тайная полиция в тоталитарных странах всего лишь проводит нужную политическую линию и теряет все prerogatives власти, которыми она обладала при деспотическом бюрократическом режиме.

Задача полиции в тоталитарном государстве – не раскрытие преступлений, а готовность арестовать определенную категорию населения, когда правительство решит это сделать. Главной отличительной чертой тайной полиции в плане политическом является то, что только она одна пользуется доверием высших властей: ей одной известно, какая политическая линия будет проводиться. И речь здесь идет не только о вопросах большой политики: условия обыденной, повседневной жизни в тоталитарном государстве таковы, что лишь агенты НКВД на промышленном предприятии знают, чего хочет Москва, когда отдает распоряжение расширить, например, производство труб...

При тоталитарном режиме, как и при других режимах, тайная полиция обладает монополией на определенную жизненно важную информацию. Однако при тоталитаризме информация, которой владеет только лишь полиция, претерпевает существенные изменения: полицию не занимает вопрос, о чем размышляют их будущие жертвы (как правило, их не интересует и вопрос, кем эти жертвы окажутся); полиции доверены важнейшие государственные секреты. Это автоматически означает резкий рост полиции, ее престижа, хотя наряду с этим и приводит к явной потере власти. Сейчас Вождю лучше известно все то, что может знать секретная служба. Из обладательницы реальной власти тайная полиция скатилась до уровня обычного исполнителя, палача.

С юридической точки зрения еще более любопытной, чем переход от подозреваемых к объективным врагам, является тоталитарная замена подозреваемого правонарушения возможным преступлением. Возможное преступление не более субъективно, чем объективный враг. В то время как подозреваемого арестовывают потому, что, исходя из его личных особенностей (или предполагаемых личных особенностей), власти считают его способным совершить определенное преступление, тоталитарный вариант возможного преступления основывается на логическом предвидении объективного развития событий.

Основная посылка тоталитарного режима – “все возможно” – приводит, таким образом, путем последовательного устранения всех фактических ограничений к абсурдному и ужасному следствию – к тому, что любое преступление, о котором могут помышлять вожди, должно быть наказано – вне зависимости от того, было оно совершено или нет...

Политическая функция тайной полиции – этого “наилучшим образом организованного и самого эффективного” из всех правительственных учреждений в аппарате власти тоталитарного режима – не является ни двусмысленной, ни излишней. Тайная полиция представляет собой истинный исполнительный аппарат правительства, через который передаются все приказы. С помощью сети секретных сотрудников вождь тоталитарного режима создает для себя, фигурально выражаясь, приводной ремень, которым управляют исполнительные органы власти. В отличие

от многослойной структуры видимой иерархии это учреждение полностью отделено и изолировано от всех других. В этом смысле агенты тайной полиции представляют собой в тоталитарных странах единственно открыто правящий класс. Их стандарты поведения, их шкала ценностей пронизывают всю ткань тоталитарного общества...

...Тоталитарные движения, которые в процессе захвата власти имитируют некоторые организационные черты тайных обществ и в то же время захватывают власть открыто, у всех на глазах, создают подлинное тайное общество лишь после того, как все бразды правления оказываются у них в руках. Секретное общество тоталитарного режима – это тайная полиция. Единственный строго охраняемый секрет тоталитарного государства, единственная тайна, известная лишь посвященным, – это деятельность тайной полиции и условия, существующие в концлагерях. Конечно, населению в целом и членам партии в особенности известны общие факты. Они знают, что концлагеря существуют, что люди исчезают, что невиновных арестовывают. В то же время каждый гражданин тоталитарного государства знает, что даже упоминать об этих “секретах” – величайшее преступление. Чтобы что-то с достоверностью знать, человеку необходимо понимание и подтверждение других людей; поэтому этот “секрет”, о котором все знают и никто не говорит, теряет черты реальности и превращается просто в кошмар. Только посвященные, те, кто знает, какая категория людей окажется следующей в списке “нежелательных элементов”, кто знает, как действуют сотрудники органов, могут говорить друг с другом о том, что на самом деле является реальностью для всех. Они одни могут верить в существующую реальность – это их секрет, и, чтобы сохранить его, они и объединились в тайную организацию.

Цит по: Вирус тоталитаризма // Новое время. 1991. №11; Тайная полиция // Там же. 1992. №6.

ДЕМОКРАТИЯ И ДИПЛОМАТИЯ*

...Развитие современного политического общества идет скорыми шагами ко всеобщей демократизации. Демократизация оказывает как раз глубокое влияние на иностранную политику, которая до сих пор ей наиболее сопротивлялась. Это имеет огромное значение не только для понимания всех политических задач, но и для политика как личности. Необходимо отметить, что тип интуитивного, чувствительного и романтического политика имел и имеет до сих пор склонность к переоценке личности и как таковой бывает чрезвычайно авторитарен, имеет склонности к аристократическому феодальному миросозерцанию и подобному же пониманию политики вообще.

Тип политика, опирающегося на разум, наоборот, соответствует демократии. Приводят его к этой точке зрения научный метод, объективность, беспристрастие во всей деятельности. Идея демократии также часто приводит к холодному разуму, к пониманию политики только как сухой науки, к математическому оперированию с массами и к оценке людей количественно, а не качественно, демократия является системой всеобщего избирательного права и утверждает абсолютно одинаковую ценность каждой отдельной личности. Сознующий все это политик должен внимательно следить за тем, чтобы не взяла перевеса ни одна ни другая крайность, так как обе могут принести на практике опасные результаты.

...Главная задача демократии вообще заключается в том, чтобы воспитать и довести граждан до демократии; демократия, в сущности, заключается в умении владеть собой, создавать свою собственную дисциплину, находить правильное соотношение между интересами личными и государственными и уметь справедливо ограничить значение государственного авторитета. У демократии является склонность к анархии и развалу в том слу-

---

* Статья в журнале "Русская воля" (1923. №13).

чае, если ее граждане недостаточно зрелы и образованны для демократического мировосприятия. В целом ряде вопросов внутренней политики интересы целого государства играют значительно меньшую роль, чем в проблемах иностранной политики, в которой всегда выступает общий интерес государства. Значит, демократия должна подходить к вопросам иностранной политики осторожнее и сдержаннее, чем к политике внутренней. Чем больше демократия зрела, готовая к жизни, тем более открытой может и должна быть дипломатия. Чем больше познаний у граждан в области иностранной политики, чем опытнее общество и чем шире его знания по этим вопросам, тем более широким форумом может быть открыта деятельность иностранной политики. Поэтому демократия чем дальше, тем менее будет нуждаться в тайных договорах. Благодаря последовательному развитию тайный договор станет просто внутренним противоречием целого режима. При внутренней демократии в конце концов просто не найдется министра, который бы подписал тайный договор.

Цит. по: Демократия и дипломатия // Новое время. 1992. №9.

З.Бжезинский

МЕЖДУ ДВУМЯ ВЕКАМИ.

РОЛЬ АМЕРИКИ В ТЕХНОТРОННУЮ ЭРУ*

... Современная Америка – это социальная лаборатория мира... Именно в Соединенных Штатах решающие дилеммы нашего века проявляются наиболее ярко. . .

В отличие от положения в Советском Союзе в Америке потребность в переменах дает себя знать со всей очевидностью. В СССР общество подобно кипящей подводной лаве, которая бьет-ся о твердую кору политической системы. В более податливых к переменам Соединенных Штатах социальные, экономические и

---

* Отрывки из кн.: Бжезинский З. Между двумя войнами. Роль Америки в технотронную эру. Нью-Йорк, 1971.

политические силы открыто сталкиваются, преобразуются и взаимодействуют на широком фронте. Возникающие в результате перемены носят столь же созидательный, сколь и разрушительный характер и едут к изменениям в том уникальном сочетании порядка и хаоса, которое известно как Соединенные Штаты. . .

Либеральная демократия представляет собой своеобразное сочетание аристократической традиции, конституционной законности и массовой демократии. В отличие от коммунизма она не является интеллектуальным детищем сложившегося в муках исторического опыта и не воплощена в движении, которое черпает вдохновение и преданность делу из глубоко укоренившейся манихейской традиции. Скорее, она продукт медленного... процесса, создавшего путем постепенных накоплений широкую традицию общественного поведения, комплекс лишь частично определившихся ценностей и весьма четко разработанные юридические процедуры и институты. Аристократическая традиция делала ставку на личное превосходство и личные достижения; правда, со временем критерии такого превосходства изменились и стали менее строгими. Законность, в прошлом, несомненно, служившая целям защиты традиционных интересов, выдвигала на первое место упорядоченность и объективность в общественных отношениях и поэтому постепенно встала на защиту отдельной личности. Демократический элемент под воздействием всеобщего избирательного права не только ослабил аристократический компонент либерализма, но и вселил в либеральную демократию чувство озабоченности общественным благосостоянием.

... Чем больше государство пытается помочь отдельному индивидууму, тем больше оно увеличивает испытываемое индивидуумом бессилие. Результат парадоксален: описанная ситуация стимулирует у общественности интерес к политической жизни страны и в то же время усиливает у нее ощущение бесплодности политики; она подрывает общенациональное единомыслие, делая вместе с тем более настойчивой потребность в ощущении наличия общенационального руководства: наконец, она одновременно ставит человека перед двойной опасностью размывания ответственности и чрезмерного контроля. . .

...Прогрессивное общество определяют как общество, в котором взаимодействуют утопические цели и практические шаги к их претворению в жизнь. . .

Цит. по: Третья американская революция // Новое время. 1991. №1.

М.Вебер

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

...Такие понятия, как "государство", "сообщество", "феодализм" и т.п., в социологическом понимании означают – если выразить это в общей форме – категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к "понятному" поведению, а такое сведение всегда означает только одно – сведение к поведению участвующих в этой деятельности людей.

...Социология отличается от юридического отношения к объекту. В юриспруденции "государство" при известных обстоятельствах рассматривается, подобно отдельному человеку, как "юридическое лицо", так как в юридическом исследовании, направленном на истолкование объективного смысла, то есть на такое содержание правовых положений, каким оно *должно* быть, подобного рода понятийное вспомогательное средство может восприниматься как полезное или даже необходимое.

...С социологической точки зрения слово "государство", если оно вообще применяется, означает *только* вид человеческого поведения особого рода. Если в социологии здесь, как и в ряде случаев, приходится пользоваться термином, применяемым и в юридической науке, то его "юридически" правильный смысл совсем не тот, который имеет в виду социолог.

...Что есть "государство"? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз

не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть *исключительно*, присуща тем союзам, которые называют "политическими", то есть в наши дни – государствам или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, физического насилия. "Всякое государство основано на насилии", – говорил в свое время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие "государство", *тогда* наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать "анархией". Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства – об этом нет и речи, – но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно. В прошлом различным союзам – начиная с рода – физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – "область" включается в признак -- претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько *государство* со своей стороны допускает это насилие: единственным источником "права" на насилие считается государство.

..."Политика", судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это "политический" вопрос, о министре или чиновнике: это "политический" чиновник, о некотором решении: оно "политически" обусловлено, – то

тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти "ради ее самой", чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

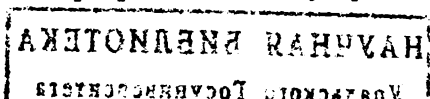
Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношения *господства* людей над людьми, опирающиеся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны *подчиняться* авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует.

...В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований *легитимности* (начнем с них). Во-первых, это авторитет "вечно вчерашнего": авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – "традиционное" господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного дара (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князь – военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, государство в силу "легальности", в силу веры в обязательность легального *установления* и деловой "компетентности", обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил, – господство в том виде, в каком его осуществляют современный "государственный служащий" и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды – страха перед мстостью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или

посюстороннее вознаграждение — и вместе с тем самые разнообразные интересы.

...Все государственные устройства можно разделить в соответствии с тем принципом, который лежит в их основе: либо этот штаб — чиновников или кого бы то ни было, на чье послушание должен иметь возможность рассчитывать обладатель власти, — является самостоятельным *собственником* средств управления, будь то деньги, строения, военная техника, автопарки, лошади или что бы там ни было; либо штаб управления "отделен" от средств управления в таком же смысле, в каком служащие и пролетариат внутри современного капиталистического предприятия "отделены" от вещественных средств производства. То есть либо обладатель власти управляет *самостоятельно и за свой счет*, организуя управление через личных слуг или штатных чиновников, или любимцев и доверенных, которые не суть собственники (полномочные владельцы) вещественных средств предприятия, но направляются сюда господином, либо же имеет место прямо противоположное. Это различие проходит через все управленческие организации прошлого.

...Всюду, вплоть до самых ранних политических образований, мы находим и собственное правление господина: через лично зависящих от него рабов, домашних служащих, слуг, любимцев и обладателей доходных мест, вознаграждаемых натурой и деньгами из его кладовых, он пытается взять управление в свои руки, оплатить средства из своего кармана, из доходов своего родового имущества, создать войско, зависимое только от него лично, ибо оно экипировано и снабжено провиантом из его кладовых, магазинов, оружейных. В то время как в "сословном" союзе сеньор осуществляет свое господство с помощью самостоятельной "аристократии", то есть *разделяет* с нею господство, здесь он господствует, опираясь либо на челядь, либо на плебеев — немимущие, лишенные собственного социального престижа слои, которые полностью от него зависят и отнюдь не опираются на собственную конкурирующую власть. Все формы патриархального и патримониального господства, султанской деспотии и бюрократического государственного строя относятся к данному типу. В особенности бюрократический государственный строй, то

есть тот, который в своей самой рациональной форме характерен и для современного государства и именно для него.

Повсюду развитие современного государства начинается благодаря тому, что князь осуществляет экспроприацию других самостоятельных "частных" носителей управленческой власти, то есть тех, кто самостоятельно владеет средствами предприятия управления и военного предприятия, средствами финансового предприятия и имуществом любого рода, могущем найти политическое применение. Весь этот процесс протекает совершенно параллельно развитию капиталистического предприятия через постепенную экспроприацию самостоятельного производителя. В результате мы видим, что в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции. Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном "государстве" полностью реализовано (и это существенно для его понятия) "отделение" штаба управления – управляющих чиновников и работников управления от вещественных средств предприятия. Но здесь начинает действовать наисовременнейшая для нашего времени тенденция с попыткой открытой экспроприации подобного экспроприатора политических средств, а тем самым политической власти. Революции это удалось по меньшей мере в том отношении, что на место постоянного начальства пришли вожди, которые благодаря противозаконным действиям или выборам захватили власть и получили возможность распоряжаться политическим штабом (людьми) и аппаратом вещественных средств и выводят свою легитимность – все равно, с каким правом, – из воли тех, кто находится под господством.

Можно заниматься "политикой" – то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них – как в качестве политика "по случаю", так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как при экономическом ремесле. Политиками "по случаю" являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, на-

пример, рукоплещем или протестуем на "политическом" собрании, произносим "политическую" речь и т.д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками "по совместительству" являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые - по общему правилу - занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них *первоочередным* "делом жизни" ни в материальном, ни в идеальном отношении. Точно так же занимаются политикой члены государственных советов и подобных совещательных органов, начинающих функционировать лишь по требованию. Но равным же образом ею занимаются и довольно широкие слои наших парламентариев, которые "работают" на нее лишь во время сессий.

...Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить "для" политики, либо жить "за счет" политики и "политикой". Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет "для" политики, в каком-то внутреннем смысле творит "свою жизнь из этого" - либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из осознания того, что служит "делу" и тем самым *придает* смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны - экономической. "За счет" политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный *источник дохода* "для" политики - тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить "для" политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика.

...Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для поли-

тики, а не за счет политики, то это необходимо означает "плутократическое" рекрутирование политических руководящих слоев. Но последнее, конечно, еще не означает обратного: что наличие такого плутократического руководства предполагало бы *отсутствие* у политически господствующего слоя стремления также жить и "за счет" политики, то есть использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах. Об этом, конечно, нет и речи. Не было такого слоя, который не делает бы нечто подобное каким-то образом. Мы сказали только одно: профессиональные политики непосредственно не вынуждены искать вознаграждения за свою политическую деятельность, на что просто должен претендовать всякий неимущий политик. А с другой стороны, это не означает, что, допустим, не имеющие состояния политики исключительно или даже только преимущественно предполагают частнохозяйственным образом обеспечить себя посредством политики и не думают или же не думают преимущественно "о деле".

*Цит. по: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии
Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.*

Е. Вятр

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

...Основной проблемой политики является проблема власти, точнее говоря, проблема государственной власти. Борьба за завоевание власти и осуществление власти – это основное содержание политики, а потому и основной вопрос, которым занимаются науки, изучающие политику.

...Политическая власть – это определенный аспект отношений между большими социальными группами. Государственная власть – власть, осуществляемая с помощью обособленного аппарата на определенной территории, на которую распространяется государственный суверенитет, и имеющая возможность обратиться к средствам организованного и законодательно инстругированного насилия. Государственная власть представляет со-

бой наивысшее, наиболее полное выражение политической власти – является политической властью в ее наиболее развитом виде.

...В немарксистской политической социологии можно насчитать до шести различных типов определения власти, не говоря уже о различиях в формулировках внутри каждого из этих типов.

Эти определения следующие:

1. Бихевиористские определения, в соответствии с которыми власть является особым типом поведения, основанным на возможности изменения поведения других людей;

2. Телеологические определения, согласно которым власть – это достижение определенных целей, получение намеченных результатов;

3. Инструменталистские определения, трактующие власть как возможность использования определенных средств, в частности насилия;

4. Структуралистские определения власти как особого рода отношений между управляющим и управляемым;

5. Определение власти как влияния, оказываемого на других;

6. Конфликтное определение власти, сводящееся к возможности принятия ею решений, регулирующих распределение благ в конфликтных ситуациях. Эти определения сосредотачивают внимание на каком-либо одном аспекте явления власти, более или менее важном. Они, однако, не позволяют уловить социологической природы власти во всей полноте. Они не указывают также на связи между государственной властью как таковой, политической властью, государственной властью и классовым господством. Выявление взаимоотношений между этими категориями должно быть исходным пунктом для социологического анализа власти.

Общее определение власти должно включать следующие элементы:

– не менее двух партнеров отношений власти, причем этими партнерами могут быть как отдельные лица, так и группы лиц;

– приказ осуществляющего власть, то есть выражение им воли по отношению к тому, над кем он осуществляет власть, сопровождаемый угрозой применения санкций в случае неповиновения выраженной таким образом воли;

– подчинение того, над кем осуществляется власть, тому, кто ее осуществляет, то есть подчинение выраженной в приказе воле осуществляющего власть.

Наличие всех этих четырех элементов необходимо для возникновения общественного отношения власти.

Цит. по: Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.

Г.В.Ф.Гегель

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

О природе власти

...Право *позитивно* вообще а) благодаря *форме признания*, и этот законный авторитет представляет собой принцип его знания, науку о *позитивном праве*; б) по своему *содержанию* это право обретает позитивный элемент; в) вследствие особого национального характера народа, ступени его исторического развития и связи всех тех отношений, которые принадлежат к сфере *естественной необходимости*; г) вследствие необходимости, чтобы система законодательного права содержала *применение* общего понятия к особенному, данному *извне* состоянию предметов и случаев – примечание, которое является уже не спекулятивным мышлением и развитием понятия, а рассудочным подведением частного под общее; д) вследствие требующихся для принятия решений в действительности последних определений.

Примечание. Если позитивному праву и законам противопоставляются диктуемое сердцем чувство, склонность и произвол, то уж во всяком случае не философия признает подобные авторитеты. То обстоятельство, что насилие и тирания могут быть элементом позитивного права, является для него не чем-то случайным и не затрагивает его природу.

...Почвой права является вообще *духовное* и его ближайшим местом и исходной точкой – *воля*, которая *свободна*: так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа.

...*Право* состоит в том, что наличное бытие вообще есть *наличное бытие свободной воли*. Тем самым право есть вообще свобода как идея.

...Право есть нечто *святое вообще* уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы. *Формализм* же права (а затем и формализм обязанности) возникает из различия между ступенями в развитии понятия свободы. По сравнению с более формальным, т.е. более *абстрактным* и поэтому более ограниченным, правом та сфера и ступень духа, на которой он довел в себе до определенности и действительности содержащиеся в его идее дальнейшие моменты, имеет в качестве более *конкретной* в себе, более богатой и истинно всеобщей и более высокое право.

...I. Личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому *формального* права. Отсюда веление права гласит: *будь лицом и уважай других в качестве лица*.

...По отношению к *конкретному* поступку, а также моральным и нравственным отношениям абстрактное право есть по сравнению с их дальнейшим содержанием лишь *возможность*, и определение права поэтому лишь дозволение или полномочие. На том же основании, а именно вследствие его абстрактности, необходимость этого права ограничивается негативным – *не нарушать* прав личности и всего вытекающего из этих прав. Поэтому существуют лишь *правовые запреты*, и в основании позитивной формы правовых предписаний, рассматриваемых со стороны их последнего содержания, лежит запрет.

...Право есть прежде всего непосредственное наличное бытие, которое дает себе свободу непосредственным образом:

а) *владение*, которое есть *собственность*; свобода здесь - свобода абстрактной воли *вообще*, или именно поэтому некоего *единичного*, соотносящегося лишь с собой лица;

б) *лицо*, отличая себя от себя, относится к *другому лицу*, и оба обладают друг для друга наличным бытием только как *собственности*. Их в себе сущее тождество получает существование посредством перехода собственности одного в собственность другого при наличии общей воли и сохранения их права – *в договоре*;

с) воля как (а) в своем соотношении с собой, различенная не от другого лица (б), а в себе самой, есть как *особенная воля*, отличная от себя и противоположная себе как в себе и для себя сущей, – *неправо и преступление*.

О правонарушении и наказании

...Совершенное нарушение права как права есть, правда, *позитивное* внешнее существование, но такое, которое ничтожно в себе. Проявление этой его ничтожности есть также вступающее в существование уничтожение этого нарушения - действительность права как его опосредующая себя собой через снятие своего нарушения необходимость.

Прибавление. Посредством преступления нечто изменяется и предмет существует в этом изменении, но это существование есть противоположность себя самого и тем самым в себе ничтожно. Ничтожность состоит в том, что право снято как право. Именно право как абсолютное не может быть снято, следовательно, проявление преступления ничтожно в себе, и эта ничтожность есть сущность преступного действия. Но то, что ничтожно, должно проявить себя как таковое, т.е. выставить себя как то, что само должно быть наказано. Совершение преступления не есть первое, позитивное, к которому наказание присоединяется как отрицание, а есть негативное, так что наказание есть только отрицание отрицания. Действительное право есть снятие этого нарушения, именно этим снятием право показывает свою действенность и утверждает себя как необходимое опосредованное наличное бытие.

...Нарушение права, которым затрагивается лишь внешнее наличное бытие или владение, есть *зло*, *ущерб* какому-нибудь виду собственности или имущества; снятие нарушения как нанесения ущерба есть гражданское удовлетворение в виде *возмещения* в той мере, в какой вообще такое возможно.

...*Позитивное существование нарушения* есть только как *особенная воля преступника*. Поражение этой воли в качестве налично сущей есть, следовательно, снятие преступления, которое в противном случае *сохраняло бы значимость*, и есть восстановление права.

Примечание. Теория наказания одна из тех частей позитивной науки о праве, которая хуже других была разработана в новейшее время, так как в этой теории применения рассудка недостаточно, все дело существенно в понятии. Если рассматривать преступление и его снятие, которое в дальнейшем определено как наказание, только как зло вообще, то можно в самом деле считать неразумным хотеть зла лишь *потому, что существует другое зло*. Это поверхностное понимание наказания как зла является первым, что предпосылается в различных теориях наказания – в теории предотвращения преступления, теории устрашения, угроз, исправления и т.д., а то, что должно произойти в результате наказания, определяется в них столь же поверхностно, как *благо*. Но здесь речь идет не о зле и не о том или ином хорошем результате, все дело в неправ и справедливости.

...Наказание, карающее преступника, не только справедливо *в себе* – в качестве справедливого оно есть вместе с тем его *в себе* сущая воля, наличное бытие его свободы, его право, – но есть также *право, положенное в самом преступнике*, т. е. в его налично сущей воле, в его поступке. Ибо в его поступке как поступке *разумного* существа заключено, что он нечто всеобщее, что им устанавливается закон, который преступник в этом поступке признал для себя, под который он, следовательно, может быть подведен как под свое право.

Беккариа, как известно, отрицал право государства присуждать к смертной казни, так как нельзя предположить, что в общественном договоре содержится согласие индивидов на то, чтобы их обрекали на смерть, скорее следует допустить обратное. Но государство вообще не есть договор, а *защита и обеспечение* жизни и собственности индивидов в качестве единичных не есть необходимо его субстанциальная сущность; государство есть то наивысшее, которое притязает на саму эту жизнь и соответственно требует, чтобы были принесены в жертву. Далее, государство должно утвердить с согласия отдельных людей или без их согласия – не только понятие преступления, разумность этого понятия в себе и *для себя*, но в *деянии* преступника заключена и формальная разумность, *воление единичного человека*. В том, что наказание рассматривается как содержащее его собственное *право*, пре-

ступник *почитается* как разумное существо. Эта честь не будет ему воздана, если понятие и мерило его наказания не будут взяты из самого его деяния; так же и в том случае, если рассматривать его как вредного зверя, которого следует обезвредить или стремиться запугать и исправить его. Что же касается, далее, способа существования справедливости, то форма, которую она имеет в государстве, а именно *наказание*, не единственная форма, и государство не есть предпосылка, обуславливающая собой справедливость.

То, что требует Беккариа, а именно, что человек сам должен дать согласие на наказание, совершенно правильно, однако преступник дает это согласие уже своим деянием. Как природа преступления, так и собственная воля преступника требуют, чтобы исходящее от него нарушение было снято.

...Снятие преступления есть прежде всего *месть*, справедливая по своему содержанию, поскольку она есть возмездие. Но по своей *форме* она — деяние *субъективной* воли, которая может вкладывать свою *бесконечность* в каждое нарушение и справедливость которой поэтому вообще случайна; для *другого* она также только *особенная* воля. Будучи позитивным деянием особенной воли, месть становится *новым нарушением*; в качестве такого противоречия она оказывается внутри продвижения, уходящего в бесконечность, и передается по наследству от поколения к поколению.

...В таком состоянии общества, когда нет ни судей, ни законов, наказание всегда сохраняет форму мести, и эта форма остается несовершенной, поскольку она есть деяние субъективной воли и, следовательно, не соответствует содержанию. Лица, действующие в суде, правда, также суть лица, но их воля есть всеобщая воля закона, и они не стремятся вкладывать в наказание то, чего нет в природе вещей. Напротив, потерпевшему неправо являет себя не в его количественном и качественном ограничении, а только как неправо вообще, и он не может не соблюсти меры возмездия, что в свою очередь привело бы к новому неправу. У необразованных народов месть бессмертна, как, например, у арабов, где помешать ей может лишь высшая сила или невозможность совершения акта мести; в ряде современных законода-

тельств еще сохраняется остаток прежних представлений о мести, поскольку индивидам предоставляется самим решить, передадут ли они дело в суд или нет.

...То, что есть право *в себе*, положено в его объективном наличном бытии, т.е. определено для сознания мыслью и известно как то, что есть и признано правом, как закон, посредством этого определения право есть вообще *позитивное* право.

...То, что есть право, лишь становясь законом, обретает не только *форму* своей всеобщности, но в свою истинную определенность. Поэтому в представлении о законодательстве надо иметь в виду не только тот момент, что посредством этого законодательства высказывается нечто в качестве общезначимого правила поведения; важнее этого внутренний существенный момент — познание содержания в его *определенной всеобщности*. Даже *обычное право* — так как только животные имеют закон в виде инстинкта и только люди обладают им как привычкой — содержит момент, который состоит в том, что оно существует как *мысль* и что его *знают*. Отличие норм обычного права от законов заключается лишь в том, что знание этих законов права субъективно и случайно, поэтому они для себя менее определены и всеобщность мысли в них замутнена, к тому же знание права в том или другом его аспекте, да и вообще, есть лишь случайное достояние немногих. Их мнимое преимущество, которое якобы заключается в том, что они благодаря своей форме, т. е. будучи *обычаями*, перешли в *жизнь* (в наши дни, впрочем, чаще всего говорят о *жизни* и о *переходе в жизнь* именно в тех случаях, когда занимаются самым мертвенным материалом и самыми мертвенными мыслями), иллюзорно, ибо действующие законы нации не перестают быть обычаями от того, что их записали и собрали. Когда нормы обычного права оказываются собранными и сопоставленными, что должно произойти у каждого народа, достигшего хотя бы некоторого образования, то это собрание правовых норм составляет *кодекс*, который, правда, поскольку он является просто собранием законов, будет характеризоваться *бесформенностью*, неопределенностью и неполнотой. От кодекса в подлинном смысле слова он будет отличаться тем, что тот мысленно

постигает и высказывает правовые принципы в их всеобщности и тем самым в их определенности.

...В позитивном праве то, что *закономерно*, есть источник познания того, что есть *право*, или, собственно говоря, что есть *правое*; тем самым позитивная наука о праве есть историческая наука, принципом которой является авторитет.

Все остальное – дело рассудка и касается внешнего порядка, сопоставления, последовательности, дальнейшего применения и т.п.

...То обстоятельство, что совершенное в обществе преступление, будучи более тяжким, тем не менее карается менее сурово, кажется внутренне противоречивым. Но если, с одной стороны, общество не может оставлять преступление безнаказанным, ибо в таком случае это преступление было бы положено как право, то, с другой стороны, поскольку общество уверено в себе, преступление есть всегда лишь нечто единичное, направленное против общества покушение, нечто шаткое и изолированное. Благодаря прочности самого общества преступление обретает значение чего-то чисто субъективного, возникшего, как кажется, не столько как продукт обдуманности и воли, сколько из природных импульсов. Это воззрение придает преступлению меньшую значимость, и наказание также становится менее суровым. Если же общество само еще недостаточно устойчиво, то наказание должно служить устрашающим примером, так как наказание само есть пример, направленный против примера преступника. В прочном же в себе обществе положенность преступления столь слаба, что в соответствии с этим должно соизмеряться и устранение этой положенности. Следовательно, суровые наказания в себе и для себя – не несправедливость, а находятся в соотношении с состоянием времени, один и тот же уголовный кодекс не может быть пригодным для всех времен, и преступления являются мнимыми существованиями, которые могут повлечь за собой большее или меньшее отклонение.

...Правосудие следует считать как обязанностью, так и правом государственной власти, которое отнюдь не связано с желанием индивидов передавать или не передавать эти полномочия власти.

...Член гражданского общества имеет *право искать суда и обязанность предстать перед судом* и получить только через суд оспариваемое им право.

Прибавление. Так как каждый индивид имеет право искать суда, он должен знать законы, ибо в противном случае это ничем бы ему не помогло. Но индивид обязан также предстать перед судом.

...Кроме преступлений, которые должна предотвращать или передавать судебному разбирательству всеобщая власть, — кроме случайности как произвола злого, — дозволенный для себя произвол правовых действий и частного потребления собственности также находится во внешних отношениях к другим индивидам, а равно и к прочим публичным установлениям, направленным на общую цель.

Право, вступившее в наличное бытие в форме закона, есть для себя, самостоятельно противостоит *особенному велению и мнению*. Это *познание и осуществление* себя значимым как всеобщее без субъективного чувства *особенного* интереса принадлежит публичной власти, *суду*.

Вследствие этого всеобщего аспекта частные действия становятся случайностью, которая выходит из-под моей власти и может принести или приносит другим вред или оказывается не-правовой по отношению к ним.

Хотя это представляет собой лишь *возможность* вреда, но то, что такого рода действие не приносит вреда, есть в качестве случайности также не более чем возможность; это аспект *неправа*, заключающийся в подобных действиях, и, следовательно, последнее основание карающей полицейской справедливости.

... Отношения внешнего наличного бытия принадлежат области рассудочной бесконечности; поэтому нет границы в себе, которая указала бы на то, что вредно и что не вредно, а применительно к преступлению — что подозрительно и что не подозрительно; что следует запретить или подвергнуть надзору и что не следует запрещать, за что не следует подвергать надзору, подозрению, допросу или привлекать к ответственности. Ближайшие определения дают здесь нравы, дух государственного устройства, нынешнее состояние, опасность в данный момент и т.д.

Прибавление. Здесь невозможно дать твердые определения и провести абсолютные границы. Здесь все носит личный характер, выступает как субъективный момент, а ближайшие обстоятельства должны быть указаны духом государственного устройства, опасностью момента. Во время войны, например, приходится считать вредным то, что обычно не приносит вреда. Из-за этих аспектов случайности и произвольных действий личности полиция становится чем-то *ненавистным*. При очень развитой рефлексии она может принять такую направленность, что вовлечет в сферу своего ведения все возможное, ибо во всем можно найти такое отношение, посредством которого то или иное может стать вредным. Полиция может действовать чрезвычайно педантично и стеснять повседневную жизнь индивидов. Однако, сколь не дурно такое положение, объективную пограничную линию здесь провести нельзя.

... Цель полицейского надзора и опеки – предоставить индивиду всеобщую наличную возможность для достижения индивидуальных целей. Полиция должна заботиться об уличном освещении, строительстве мостов, установлении твердых цен на товары повседневного потребления, а также о здоровье людей. Здесь существует два главных воззрения. Согласно одному из них, полиции следует предоставить надзор над всем; согласно другому, полиции не следует определять, так как каждый человек будет ориентироваться на потребности другого.

Конечно, отдельное лицо должно иметь право тем или иным способом зарабатывать себе на хлеб, однако, с другой стороны, и публика имеет право требовать, чтобы все необходимое доставлялось должным образом. Обе стороны должны быть удовлетворены, и свобода промыслов не должна быть таковой, чтобы подвергать опасности всеобщее благо.

О государстве

... Государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как *очевидная*, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит, знает себе и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. В *нравах* она имеет свое непосредственное существование, а в *самосознании* единичного чело-

века, его знания и деятельности – свое опосредованное существование, равно как самосознание единичного человека посредством умонастроения имеет в нем как в своей сущности, цели и продукте своей деятельности свою *субстанциальную свободу*.

...Что же касается того, как⁴во же или каково было *историческое* происхождение государства вообще, вернее, каждого отдельного государства, его прав и определений, возникло ли оно из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т.д., как постигалось сознанием и утверждалось в нем то, на чем основаны такие права, как божественное или позитивное право, договор, обычай и т.д. Но этот вопрос к самой идее государства не имеет никакого отношения и в качестве явления представляет собой для научного познания, о котором здесь только и идет речь, чисто историческую проблему; что же касается авторитета действительного государства, то поскольку для этого нужны основания, они заимствуются из форм действующего в нем права. Философское рассмотрение занимается только внутренней стороной всего этого, *мыслимым* понятием.

...Государство в себе и для себя есть нравственное целое, осуществление свободы, и абсолютная цель разума состоит в том, чтобы свобода действительно была. Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем *сознательно*, тогда как в природе он получает действительность только как иное себя, как дремлющий дух. Лишь как наличный в сознании, знающий самого себя в качестве существующего предмета, он есть государство. В свободе надо исходить не из единичности, из единичного самосознания, а лишь из его сущности, ибо эта сущность независимо от того, знает ли человек об этом или нет, реализуется в качестве самостоятельной силы, в которой отдельные индивиды не более чем моменты: государство – это шествие Бога в мире: его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю.

Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога. Каждое государство, пусть мы даже в соответствии с нашими принципами объявляем его плохим, пусть даже в нем можно познать тот или иной недостаток, тем не менее,

особенно если оно принадлежит к числу развитых государств нашего времени, содержит в себе существенные моменты своего существования. Но так как легче выявлять недостатки, чем постигать позитивное, то легко впасть в заблуждение и, занимаясь отдельными сторонами, забыть о внутреннем организме самого государства. Государство – не произведение искусства, оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности и заблуждения; дурное поведение может внести искажение в множество его сторон. Однако ведь самый безобразный человек, преступник, больной, калека – все еще живой человек, утвердительное, жизнь существует, несмотря на недостатки, а это утвердительное и представляет здесь интерес.

... Идея государства обладает: а) *непосредственной* действительностью и есть индивидуальное государство как соотносящийся с собой организм, государственный строй или *внутреннее государственное право*; б) она переходит в *отношение* отдельного государства к другим государствам – *внешнее государственное право*; с) она есть всеобщая идея как *род* и абсолютная власть, противопоставляющая себя индивидуальным государствам, дух, который сообщает себе в процессе *всемирной истории* свою действительность.

... Государство как действительное есть по существу индивидуальное государство, и сверх того еще и особенное государство. Индивидуальность следует отличать от особенности: индивидуальность есть момент самой идеи государства, тогда как государство как особенность принадлежит истории, таковые независимы друг от друга, и отношение между ними может быть лишь внешним, поэтому над ними должно быть связующее их третье. Это третье есть дух, который во всемирной истории сообщает себе действительность и представляет собой абсолютного судью над нею.

... Политическое устройство, *во-первых*, есть организация государства и процесс его органической жизни в *соотношении с самим собой*; в этом соотношении оно различает свои моменты внутри самого себя и разворачивает их до прочного *пребывания*.

Во-вторых, оно в качестве индивидуальности есть *исключающее* единое, которое тем самым относится к *другим*, обра-

щает, следовательно, свое различие *вовне* и, согласно этому определению, полагает внутри самого себя свои пребывающие различия в их *идеальности*.

Подобно тому как раздражимость в живом организме сама есть, с одной стороны, нечто внутреннее, принадлежащие организму как таковому, так и здесь отношение *вовне* есть направленность на внутреннее. Внутренне государство как таковое есть гражданская власть, направленность *во-вне* – военная власть, которая однако, в государстве есть определенная сторона в нем самом. Равновесие между обеими сторонами – главное в состоянии государства. Иногда гражданская власть совершенно теряет свое значение и опирается только на военную власть, как это происходит во времена римских императоров и преторианцев; иногда, как в современных государствах, военная власть проистекает из гражданской власти; это происходит в тех случаях, когда все граждане несут воинскую повинность.

... Следует упомянуть представление о *необходимом разделении властей* в государстве – чрезвычайно важном определении, которое, взятое в своем истинном смысле, с полным правом могло бы рассматриваться как гарантия публичной свободы; но именно те, кто мнят, что говорят о нем с восторженностью и любовью, ничего о нем не знают и знать не хотят, ибо в нем именно и заключается момент *разумной определенности*. Принцип разделения властей и содержит существенный момент *различия, реальной разумности*: однако в понимании абстрактного рассудка в нем заключается частью ложное определение *абсолютной самостоятельности* властей по отношению друг к другу, частью одностороннее понимание их отношения друг к другу как негативного, как взаимного *ограничения*. При таком воззрении предполагается враждебность, страх каждой из властей перед тем, что другая осуществляет против нее как против зла, и вместе с тем определение противодействия ей и установление посредством такого противовеса всеобщего равновесия, но не живого единства.

...Политическое государство распадается, следовательно, на следующие субстанциальные различия:

а) на власть определять и устанавливать всеобщее – законодательную власть;

в) на власть подводить особенные сферы и отдельные случаи под всеобщее – *правительственную власть*;

с) на власть субъективности как последнего волевого решения, *власть* государя, в которой различные власти объединены в индивидуальное единство и которая, следовательно, есть вершина и начало целого – *конституционной монархии*.

...Старое деление форм государственного устройства на *монархию, аристократию и демократию* имеет своей основой еще не разделенное субстанциональное единство, которое еще не достигло своего *внутреннего различия*, развитой организации внутри себя, а следовательно, *глубины и конкретной разумности*, для этой точки зрения древнего мира такое разделение поэтому истинно и правильно, ибо различие в том субстанциальном, не дошедшем внутри себя до абсолютного развертывания единстве есть, по существу, различие *внешнее* и являет себя прежде всего как различие числа тех, которым, согласно этой точке зрения, имманентно это субстанциальное единство. Эти формы, которые, таким образом, принадлежат различным целостностям, в конституционной монархии низведены до моментов; монарх – один; в правительственной власти выступает несколько человек, а в законодательной власти – вообще *множество*. Но подобные чисто количественные различия, как было уже сказано, лишь поверхностны и не сообщают понятия предмета. Неуместны также, как это делается в новейшее время, бесконечные разглагольствования о наличии демократического и аристократического элементов в *монархии*, ибо определения, которые при этом имеются в виду, именно потому, что они имеют место в *монархии*, уже не представляют собой что-либо демократическое или аристократическое. Существуют такие представления о государственном устройстве, в которых высшим считается лишь *абстракция* правящего и приказывающего государства и остается нерешенным, даже считается безразличным, стоит ли во главе такого государства *один, несколько или все*.

...Вопрос, какая из них наилучшая, стал совершенно праздным; о формах такого рода речь может идти лишь в истори-

ческом аспекте. В остальном же в этом вопросе, как и во многих других, следует признать всю глубину воззрения Монтескье, высказанного в его ставшем знаменитым указании принципов этих форм правления; но чтобы признать правильность его указания, их не следует понимать превратно. Как известно, в качестве принципа *демократии* он назвал *добродетель*; ибо в самом деле такое государственное устройство основывается на *умонастроении* как на той единственно субстанциональной форме, в которой разумность в себе и для себя, сущей воли здесь еще не существует.

Власть государя сама содержит в себе три момента тотальности: *всеобщность* государственного устройства и законов, со вещание в качестве отношения *особенного* ко всеобщему и момент последнего *решения* в качестве *самоопределения*, к которому возвращается все остальное и от которого оно берет начало действительности. Это абсолютное самоопределение составляет отличительный принцип власти государя как таковой, который должен быть развит в первую очередь.

... Благо государства имеет совершенно иное оправдание, чем благо отдельного лица, что нравственная субстанция, государство имеет свое наличное бытие, т.е. свое право, непосредственно не в абстрактном, а в конкретном существовании и что лишь это конкретное существование, а не одна из многих считающихся моральными заповедями мыслей может служить принципом его деятельности и поведения. Воззрение о мнимом неправде, которое в этом противоположении якобы всегда свойственно политике, покоится преимущественно на поверхности представлений о моральности, о природе государства и его отношения к моральной точке зрения.

... Народ сначала не есть государство, и переход семьи, орды, племени, толпы и т.д. в состояние государства составляет в нем *нормальную* реализацию идеи вообще. Без этой формы ему в качестве нравственной субстанции, которая он есть в себе, недостает объективности, обладания для себя и других всеобщим и общезначимым наличным бытием в законах как мысленных определений, и поэтому такой народ не получает признания; его самостоятельность, ... не обладая объективной законностью и для

себя прочной разумностью лишь формальной, не есть суверенность.

В обыденном представлении также не называют ни патриархальное состояние государственным строем, ни народ в этом состоянии – государством, ни его независимость – суверенитетом. Поэтому к периоду, предшествовавшему началу действительной истории, относится, с одной стороны, лишенная каких-либо интересов бездумная невинность, с другой – храбрость в формальной борьбе за признание и ради мщения.

... Существуют *четыре начала образования этого самосознания в ходе его освобождения – четыре всемирных царства*: 1) восточное; 2) греческое; 3) римское; 4) германское.

...Абстрактное есть право, осуществление его – государство. Обычно право рассматривают как несчастье, которое ущемляет естественное право человека. Ведь говорили о потерянном рае, о восстановлении естественного права. Право на земле – святыня, которая должна быть нерушима: но нерушима святыня только на небесах или в мыслях, на земле же право может быть затронуто, нарушено. Задача нашей науки – познать, что действительно есть право. Такое исследование особенно необходимо в наше время, когда каждый полагает, что обладает правом в своем убеждении, и хочет, чтобы оно было осуществлено. Неосуществление же этого права он считает чем-то кощунственным, которому следует противодействовать. Философии надлежит определить понятие права.

...Разумны те законы, государственные устройства, которые соответствуют природе человека, понятию человека, свободе.

...Позитивное право есть вообще право, которое действует в государстве. То, что в его содержании разумно, является позитивным посредством формы авторитета. Однако позитивное по своему содержанию право может быть в некоторой своей части также противоречащим разуму и противоправным...

...Государство, законы имеют две стороны – они должны быть разумными или понятны и тем самым соответствовать собственному смыслу понятия, чтобы индивидуум мог им повиноваться, считая их благом, – но они имеют и другую сторону, которая состоит в том, что они *имеют силу*. Они должны иметь си-

лу; *субъективное усмотрение* есть нечто случайное, сила закона не может зависеть от того, что полагает и чего желает тот или иной. Ибо именно законы суть неслучайное, напротив, то, в чем случайность устранена. Люди следуют законам *из страха* – а осознанный страх есть проявление ума при сопротивлении внутреннего *убеждения*; им следует из *веры, доверия* – затем также при всей разумности и пониманий – большей части постановлений и закона из *здорового смысла, позволяющего* понять, что существует бесконечная сфера, внутри которой могут быть приняты те или иные решения; но главное состоит в том, что *они должны быть приняты*; в мире следует приказывать, просто приказывать; в сфере религии разума нельзя просто приказывать, – но в аспекте бесконечной случайности можно.

...Право называется позитивным, поскольку оно имеет силу, потому, что оно есть, а не потому, что оно разумно.

...Свобода воли есть тот принцип, из которого мы исходим, ибо право – не что иное, как осуществление воли, поскольку она свободна. Право покоится на свободе. Кант также придерживается этого взгляда, однако он добавляет, что, с другой стороны, в праве сразу же оказывается, что свобода должна быть ограничена, и право, таким образом, непосредственно влечет за собой ограничение свободы. Это мнение противоположно тому, что будет изложено нами. Свобода обретает в праве свое осуществление, оно не ограничивающее по отношению к свободе, напротив, право носит по отношению к свободе утверждающий характер, свобода выступает в праве как утверждающая, присутствующая.

...Кто не мыслит себя, тот не свободен – кто не свободен, тот не мыслит себя.

...Человек от природы добр или, другими словами, ему дана от природы склонность к свободе и разуму, но это не действительность, и поэтому он не таков, каким он должен быть. Пока в нем господствуют только влечения, он зол, он – несвободная воля. Человек не должен оставаться таким, каков он от природы.

...Право являет себя в ближайшем представлении как *возможность* делать что-либо или не делать чего-либо. Я не совершаю ничего неправового, если я не даю силу моему праву только

нарушить право другого. Более высокие конкретные определения суть не только права, но и обязанности.

...Право основано на свободе, свобода должна быть идеей, должна обладать наличным бытием. Реальность и свобода составляют право.

...Наказание может иметь место только в государстве, вне его оно является мстящей справедливостью. Само слово "справедливость" происходит от слова "мечь". На ранней стадии развития государства справедливость есть мечь, и от субъективной воли потерпевшего зависит, заставит ли он преступника претерпеть то, что он заслужил. Если, например, совершено убийство, то семья убитого берет на себя возмездие. Мечь здесь деяние возмездия,*относящееся к особой воле, все зависит от того, хочет ли эта воля отомстить: человек может отвлечься от качественного и количественного объема того уровня, который был ему нанесен, и может воспринять нарушение своих прав, как бесконечное, поскольку он был поражен в своих правах как свободный субъект.

...Право имеет истинный смысл, лишь поскольку субъект его воли, тем самым субъективность воли есть наличное бытие права, и, наоборот, право субъективной воли состоит в том, чтобы в том, что есть право, присутствовали субъективная воля, чтобы мое понимание, моя цель составляли существенный момент того, что есть право. Это – великое право субъективной воли.

Свобода вначале только абстрактна, и все наше стремление направлено на то, чтобы конкретнее определить понятие свободы, которое заключается здесь в том, что она субъективна.

...Коллизия между *сердцем* и правом. Люди предпочитают быть великодушными, чем действовать согласно праву. *Благо всех людей* есть пустая абстракция. В противопоставлении праву благо всегда отступает.

Цит. по: Гегель. Философия права. М., 1990.

СЧАСТЬЕ. О ЧЕЛОВЕКЕ, ЕГО УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЯХ И ЕГО ВОСПИТАНИИ

Что такое хорошая форма правления? Это такая форма правления, при которой законы имеют целью обеспечение общего благоденствия и достаточно справедливы, чтобы каждый считал выгодным для себя их соблюдение. Для этого имеются только два средства: первое – просветить людей до такой степени, чтобы они ясно видели, что их интерес заключается в повиновении законам; второе – вызвать страх у тех, кто попытался бы их нарушить. Из этих двух средств первое годится только для хорошей формы правления, а второе – для всякой, как хорошей, так и плохой. Первое еще не было нигде применено, и я знаю причину этого. Что касается того вида патриотического фанатизма, который был в ходу с давних пор, то он служит лишь для возбуждения национальной ненависти, неистовства завоеваний и тревожного честолюбия. Все эти искусственные страсти имеют один конец, и, когда этот конец наступает, сооружение рушится. Они служат для того, чтобы делать народы знаменитыми, покрывать их империю славой, не делая их ни счастливыми, ни долговечными.

В общем, формы правления созданы не для добродетельных людей: они в них не нуждаются; но в конце концов вот их-то и нужно просветить, и этого достаточно. Что касается большинства людей, было бы хорошо их просветить, но достаточно заставить их бояться.

Нет такой формы правления, которая не нуждалась бы в изменении своих законов, такой формы, при которой законы были бы в достаточной мере направлены на общественное благо: почти все законы благоприятствуют тому, кто владеет, и обращены против того, кто ничего не имеет. Среди этих законов есть бесчисленное множество таких, которые включают в себя детали, не входящие в их компетенцию; много таких, которые перенесены от одной нации к другой; есть там и такие, которые очень суровы, а другие поддерживают более не существующий порядок вещей:

многие продиктованы властью, преследующей свои собственные интересы. Фанатизм, своеправие, национальная ненависть, временные бедствия, народные страсти могли породить законы, многие из которых остались, после того как все это утихло.

В монархическом государстве почти никто не бывает хорошим гражданином, ибо в нем добиваются обычно лишь своих выгод за счет других людей. Единственное, что нужно пожелать, — это чтобы люди хорошо поняли свои интересы и прежде всего знали, что их не следует добиваться за счет других; это и есть источник всех политических зол, именно о предотвращении этого должно заботиться правительство. В монархическом государстве, как и при деспотии, все ведет к исключительности, все способствует ей; покровительство — это бог, к которому зывают. Там самое главное — приблизиться к властелину, что с необходимостью создает плохих граждан. Откуда здесь возьмутся порядочные люди?

Большинство республик, как древних, так и нынешних, не родились в лоне мира и не являются плодом зрелого разума, живого и глубокого чувства равенства и еще меньше того — внутреннего убеждения, что демократия представляет собою наилучшую форму правления. Люди оказывались угнетенными, их душа неистово рвалась к свободе, они сбрасывали ярмо, даже не обдумав средства для того, чтобы придать прочную форму новому государственному строю, к которому они слепо устремлялись. Законодатели, которые ведь тоже люди, не обладали никакими иными познаниями, кроме познаний своего века, и часто их терзали собственные страсти. Те, кто хотел добра, прямолинейно следовали строгим добродетелям, источник которых не в человеческой природе, а в ложной идее совершенства, невозможного для толпы; и, так как они вовсе не были подготовлены к великому делу, которое они предприняли, они создавали законы на каждый день, для каждого случая и всегда, исходя из ограниченных идей патриархальной строгости.

...Вне всякого сомнения, нужны скрупулезные исследования фактов, которые служат основой приговоров; но к чему столько правил, ограничительных, расширительных толкований, ставящих искусство самого разума или, точнее сказать, крючоктвор-

ство на место здравого смысла? К чему это множество законов, которые ни один человек не может знать и которые оказываются решающими, когда речь идет о судьбе и покое граждан? В результате, сами того не зная и даже считая, что они следуют свету разума, люди подвергаются риску нарушить законы, которые невозможно изучить.

...Это положение дел вызывает негодование людей и побуждает их вернуться к природной простоте.

Желательно, чтобы судьи восприняли образ действия арбитров, в том смысле чтобы обсуждение фактов и даже закона, когда он недостаточно точен, производилось публично; чтобы каждый высказывал свое мнение и доводы в пользу этого мнения. Но я считаю смешным, когда совершают сближение мнений при помощи простого примирения. Если убеждение не является основой этого, то можно отказаться от своих прав из простого желания мира; но нельзя уступать права другого – права на истину на бесплодном и глупом основании, что нужно соглашаться с мнением большинства. Это не ведет к добру ни в республике, ни при иных формах правления.

Я нахожу большое неудобство в формуле римского права, так как считаю, что редко факты бывают простыми, чтобы вынести приговор, сформулированный в общем виде и вместе с тем решающий все сразу. Если есть другие мнения, то нужно их высказать. Это подобно тому, что бывает в диспутах, когда говорят противнику: "Ответьте определенно – да или нет", и чаще всего не следует отвечать ни то ни другое, чтобы ответить точно. И так же обстоит дело с вынесением приговора, даже если исходить из предположения, что законы столь просты, как они могут и должны быть, и что существует очень четко организованная демократия. Народ в массе не может и не должен быть судьей в частных делах, как гражданских, так уголовных: у него нет ни времени, ни терпения, ни познаний, ни справедливости, необходимых для этого. Безусловно, можно просветить народ относительно его истинных интересов; но как просветить толпу относительно того, что ее нисколько не интересует?

Хорошие законодатели вовсе не требуют чопорных нравов, они ограничиваются установлением чистоты нравов при помощи

косвенных законов, а это более легко, чем полагают. При чопорности нравов патриархальное общество является суровым, властным и тираническим, но не это – цель хорошего законодательства, ибо не это – цель природы. Так что, если меня спросят, как обеспечить чистоту нравов при помощи косвенных законов, я отвечу, что это достигается посредством создания благоприятных условий для браков и разводов, установления равного наследования между братьями и сестрами, посредством установления ненаследственных должностей и особенно при посредстве высокопросвещенных национальных институтов.

Мне совсем неприятно видеть, как, опираясь на законы, а тем более на семейный самоуправный суд, выносят решение о том, что должно делаться само собою. В этом у нас должен быть лишь один наставник – воспитание. Наказывать нужно лишь за поступки, направленные против других. Если же эти поступки вредны нам самим, то нас наказывают неизбежные следствия наших ошибок.

Обвинение в прелюбодеяниях, предъявленное публично, – это безумие законодательства. Муж или жена имеют право развестись в подобном случае, потому что развод вызван самим прелюбодеянием. Но к чему же в данном случае наказания? Преступление это так трудно доказать, когда оно получает всеобщее распространение, но так легко избегает наказания, его так легко перестают рассматривать как преступление и в конце концов это преступление настолько создано для мрака и молчания, что лучше уж его не расследовать. Достаточно предоставить свободу развода.

Есть в сущности только один-единственный закон – это естественный закон, – который управляет всем на основе небольшого числа принципов, применимых ко всем предметам, интересующим человечество. Естественное право – это право каждого человека заботиться о своей безопасности, о сохранности своего имущества и прежде всего это – самая широкая свобода, которая сама по себе исключает свободу причинять вред.

Божественное право означает для каждого человека свободу повиноваться тому, что он считает законами бога; а другие люди, будь то короли, будь то сограждане, имеют в этом отношении

лишь право не допускать, чтобы за законы бога принимались заблуждения, вредные для других. Все это не что иное, как естественное право каждого человека свободно мыслить и действовать, и государство здесь должно следить лишь за тем, чтобы не причинялся вред.

Церковное право – это право людей создавать такие объединения, которые им кажутся хорошими, при условии чтобы они не причиняли вред ни чьей-либо свободе, ни чему-либо имуществу.

Право народов, политическое, гражданское право и т.д. представляют собою лишь право, которое должно помешать причинять нам зло, при условии чтобы и мы его не причиняли другим.

Что касается права на завоевание, то мне оно не известно, разве что оно ограничивается отпором незаконному агрессору и лишением его возможности нам вредить, не переходя границ.

Утонченность человеческого разума заключается в том, чтобы надежно обеспечить естественное право каждого человека так, чтобы оно не было уничтожено мнимыми правами. Подчиняясь чисто искусственному порядку вещей, который считают истинным, находят лишь способ все запутать.

Формы правления крупных государств всегда скрытно тяготеют к деспотизму, подобно тому как человек всегда естественно стремится к тому, чтобы обеспечить свои личные интересы. Просвещение нередко появляется так слишком поздно, чтобы выявить причины, ускоряющие этот процесс. Почти всегда пороками, которые разрушают государственный строй, занимаются лишь тогда, когда он находится в состоянии недуга, и часто случается, что незнание лекарств или недостаток опыта ускоряют его гибель.

...У тех народов, у которых поддерживалось невежество, было больше всего фанатизма, всевозможных преступлений и сопротивления хорошим законам, когда деспотам или их министрам приходила в голову фантазия их вводить. Невежество – это самый незаконный из тиранов; нужны столетия, чтобы от него избавиться, в то время как для просвещенного народа достаточно небольшого периода революции, чтобы вернуть себе все свои права на свободу. Не этого добиваются правительства. Они благоприятствуют просвещению до определенного предела, пос-

ле чего они хотели бы его задержать. Но это совсем не в их власти. Его можно задержать лишь при помощи множества притеснений, озлобляющих умы, вызывающих ропот, придающих язвительность тайным сочинениям и делающих их благодаря этому более опасными.

Как действовала наша нынешняя полиция? Мелочными предписаниями, бесполезными преследованиями, которые способствовали распространению и росту известности запрещенных книг. Своими запретами и порицаниями она создала лишь исключительные привилегии для глупости.

Таким образом, оказывается, что только должностные лица, прелаты, кюре и священники считают себя заинтересованными в невежестве народа, для того чтобы лучше его обманывать и при помощи этого спокойнее им управлять. Я прекрасно понимаю, что они надеются выиграть, отупляя народ, чтобы его подчинить; но я не вижу, почему невежественный раб будет полезнее для счастья своего господина или униженный народ будет больше способствовать росту величия своего государя.

Говорят: образованный народ сутяжлив. Действительно, крестьянин, умеющий читать, – сутяга. Но если бы все умели читать так же хорошо, как он, то разве одни посягали бы на права других посредством дорогостоящих тяжб, исход которых всегда сомнителен?

Он – непокорный. Что за необходимость в том, чтобы он позволял себя столь легко угнетать мошенникам всякого рода? Припомним ответ моего егеря, когда я упрекнул его в том, что он заставляет мучиться кроликов, которых он принес в своей сумке. "Сударь, – сказал он, – они скверные, они не дают себя убить".

Он – маловер. Охотно верю. Почему священник, который дает ему в проповедях столько наставлений, так мало убеждает его своим примером? Должен ли народ обладать большими достоинствами, чем его наставники? Можно ли вменять ему в вину, что он рассуждает так же плохо, как и те, кто своим поведением опровергает истину религии, провозглашаемую ими в своих речах? Здравый смысл народа говорит ему достаточно внятно, что убеждает хорошо тот, что убежден сам. И без излишних обсуждений он полагает, что истинное убеждение заключается не

столько в красноречии слов, сколько в красноречии дел. Разве нет основания остерегаться трусов, расхваливающих отвагу?

Он — дерзок. Почему стараются унижать, презирать и угнетать его? Почему хотят присвоить себе власть быть безнаказанно несправедливыми с ним? Мне нравится благородный ответ одного знатного англичанина, которому с запальчивостью возражал крестьянин. "Как! — сказал ему один француз. — Вы сносите дерзость ваших крестьян!" — "Я не только ее сношу, — ответил он, но я ее ценю: это признак того, что они не нуждаются во мне и сознают свое равенство со всеми другими людьми".

Ничего нельзя ждать от невежественного народа, который не сознает своего достоинства и не умеет пользоваться своим разумом.

...Совершенство политики, равно как и разума, состоит в том, чтобы сообщить людям, что они свободны. Быть может, со злом соседствует добро. Нужно их взвесить. Я сказал — быть может, так как убежден, что это — общее место, а общие места почти всегда ошибочны. Ничто так хорошо не устраняет зло, как добро, и хороший закон не может породить затруднений, если только он не единственный, иначе говоря, если только он не сопровождается всеми законами, в основе которых лежит истинный принцип или его естественные следствия. Видели ли когда-нибудь народ, восставший против разумных законов?

Разве плохо, что те, кто хочет его угнетать, знают, что народ осведомлен о средствах, которые дают законы против угнетения? Служители религии, которые не рассчитывали бы на глупое легкоеверие, сделали бы свои поучения не такими нелепыми и более осторожными. Всякий человек, который желает быть только справедливым, не будет опасаться иметь в качестве подчиненных образованных людей. Словом, когда некого дурачить, когда нет страстей и интересов, которые нужно скрывать, и когда не ставится цель навязывать их из высокомерия или по капризу, тогда не боятся просвещения и здравого смысла народа.

Вы видите, насколько важно для счастья людей основывать его на природе и распространять просвещение, которое заставляет его лучше познать это счастье.

Краткий свод законов природы

Природа говорит нам: согласно побуждениям, которые я вам даю, стремитесь к счастью во всякий момент вашего существования, не противьтесь же моим верховным законам. Работайте для вашего счастья, наслаждайтесь без боязни, будьте счастливы.

...Вернись к природе, она утешит тебя, она изгонит из твоего сердца гнетущие страхи. Перестань созерцать будущее, живи для себя и для подобных тебе. Я одобряю твои удовольствия, если они не вредят тебе самому, если они не являются пагубными для твоих братьев, которых я сделал необходимыми для твоего же собственного счастья.

Пусть человечность возбуждает в тебе интерес к судьбе тебе подобного. Подумай, что судьба может в один прекрасный день поразить тебя, как и его. Осушай слезы угнетенной невинности, удрученной добродетели. Пусть сладостная теплота дружбы, пусть уважение любимой подруги заставят тебя забыть испытания жизни.

Будь справедлив, ибо справедливость есть основа человеческого рода. Будь добр, ибо доброта приковывает сердца всех. Будь снисходителен, ибо ты, слабый сам, живешь с существами, столь же слабыми, как и ты. Будь мягок, ибо мягкость привлекает симпатию. Будь благодарен, ибо благодарность поддерживает и питает доброту. Будь скромнен, ибо гордость восстанавливает друг против друга самовлюбленные существа. Прощай обиды, ибо месть увековечивает ненависть. Делай добро тому, кто оскорбляет тебя, дабы показать себя великодушнее его и дабы сделать его твоим другом. Будь сдержан, умерен, целомудрен, ибо чувственность, неумеренность и излишества разрушают твоё существо и сделают тебя достойным презрения.

Будь гражданином, ибо родина твоя нужна для твоей безопасности, для твоих удовольствий, для твоего благополучия; будь уверен, что человек, делающий других счастливыми, не может сам быть несчастным. Ведя себя так, ты будешь всегда с удовольствием заглядывать в себя самого. Ты не найдешь в глубине твоего сердца ни стыда, ни ужасов, ни угрызений совести. Если бы небо занималось тобою, то и оно было бы довольно твоим поведением, когда земля им довольна.

Я, природа, караю вернее, чем боги, за земные преступления. Злодей может бежать от законов людских, но от моих – никогда. Если ты предаешься неумеренности, то люди не наказывают тебя, но я накажу тебя, сократив твои дни. Если ты порочен, то твои пагубные привычки падут на твою голову. Все эти властелины, могущество которых возвышает их над человеческими законами, вынуждены содрогаться перед действием моих законов. Я караю их, я вселяю в них подозрения, ужас.

...Над ними и над тобою свершается определение судьбы, которое хочет, чтобы преступление было наказуемо и чтобы добродетель никогда не была лишена заслуженной награды.

Цит. по: Гельвеций. Счастье. М., 1936; Гельвеций. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938.

Г.Гроций

О ПРАВЕ ВОЙНЫ И МИРА

Подобно тому как одни сообщества свободны от неравенства, например, взаимные отношения братьев, граждан, друзей или союзников, другие же, напротив, не свободны от неравенства и, по словам Аристотеля, допускают превосходство, например, отношения отца к детям, хозяина к рабу, царя к поданным, бога к людям, так и один вид справедливости состоит в отношениях между равными, а другой – в отношениях между господствующими и повинующимися. Поэтому мы едва ли ошибаемся, если этот последний вид назовем правом господства, а первый – правом равенства.

От права в этом смысле отлично иное, хотя и зависящее от первого, – касающееся лиц. В этом последнем смысле право есть нравственное качество, присущее личности, в силу которого можно законно владеть чем-нибудь или действовать так или иначе. Это право присуще личности, хотя нередко оно и связано с вещами, как, например, сервитуты, лежащие на усадьбах и носящие название вещных прав в отличие от других, чисто личных, – не потому, чтобы первые тоже не были связаны с личностью, но

потому, что они связаны с нею, поскольку им принадлежит какая-нибудь определенная вещь.

Есть еще третье значение слова "право" – одинаковое с понятием "закон", если только принять это слово в самом широком смысле, а именно – в значении правила нравственных проступков, обязывающего к выполнению какого-нибудь надлежащего действия. Во всяком случае необходима обязанность, ибо советы и какие бы то ни было иные наставления, например, правила чести, не имеющие обязательной силы, не заслуживают названия закона или права. Дозволение же, собственно, не есть действие закона, но – отрицание действия, если только на всякое иное лицо не возлагается обязанность не чинить препятствий лицу, которому что-либо дозволено законом. Мы сказали, кроме того: обязанность к выполнению какого-нибудь надлежащего действия, а не просто – правомерного действия, потому что право в данном смысле имеет отношение не только к предмету справедливости, о которой уже была речь, но и к предмету прочих добродетелей.

Наилучшее деление права в принятом значении предложено Аристотелем, согласно которому, с одной стороны, есть право естественное, а с другой – право волеустановленное, которое он называет законным правом, употребляя слово "закон" в более тесном смысле. Иногда же он называет его установленным правом.

Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; а следовательно, такое действие или воспрещено, или же предписано самим богом, создателем природы.

Действия, к которым относится подобного рода предписание, суть сами по себе должные или недозволенные, и оттого они с необходимостью признаются предписанными или же воспрещенными самим богом: этим признаком такое право отличается не только от человеческого права, но и от права, установленного божественной волею, так как последнее предписывает или воспрещает не то, что само по себе и по самой своей природе есть

должное или же недолжное, но то, что не дозволено лишь в силу воспрещения и что вменено в обязанность в силу предписания.

Для понимания естественного права следует, между прочим, заметить, что нередко обозначением права естественного пользуются не в собственном, но, как любят выражаться школы, в переносном смысле, имея в виду то, что не отвергается естественным правом, подобно тому, как мы уже заметили, нередко называют справедливым то, что свободно от какой-либо несправедливости; и, даже злоупотребляя термином "естественное право", обычно распространяют его на то, что разум признает достойным или наилучшим, хотя и необязательным.

Право естественное распространяется не только на то, что находится непосредственно в зависимости от человеческой воли, но также и на многие последствия, вытекающие из актов человеческой воли. Так, например, право собственности в том виде, как оно существует в настоящее время, установлено волей человека; и, однако же, раз оно установлено, то в силу естественного права преступно похищение против воли чужой собственности.

Естественное право, с другой стороны, столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим богом. Хотя божественное всемогущество и безмерно, тем не менее можно назвать и нечто такое, на что оно не распространяется, поскольку то, что об этом говорится, только произносится, но лишено смысла, выражающего реальный предмет, ибо само себе противоречит.

Есть некоторые правила естественного права, которые предписывают что-нибудь не прямо и непосредственно, а в расчете на известный порядок вещей; так, общность имущества была естественна до тех пор, пока не была введена частная собственность; равным образом то же относится к осуществлению своего права силой до установления гражданских законов.

Другой вид права мы называли волеустановленным, потому что оно имеет своим источником волю. Такое право бывает или человеческое, или божественное.

Начнем с права человеческого, потому что оно известно большому числу людей. Оно, в свою очередь, бывает или правом внутригосударственным, или же правом человеческим в более широком и в более узком смысле по сравнению с внутригосудар-

ственным. Право внутригосударственное есть то, которое исходит от гражданской власти. Власть гражданская господствует в государстве. Государство же есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы. Право человеческое в более узком смысле, которое не исходит от гражданской власти, хотя и подчинено ей, бывает различного характера; оно охватывает ведение отца и господина и другие, им подобные. Право же в более широком смысле есть право народов, а именно – то, которое получает обязательную силу волею всех народов или многих из них. Я добавил "многих из них" потому, что, кроме права естественного, называемого часто также правом народов, почти не встречается право, которое было бы обще всем народам. Ибо ведь зачастую в одной части земного шара действует такое право народов, которое не имеет силы в остальной, например, о положении военнопленных и о состоянии по заключении мира. . .

Существование такого права народов доказывается тем же способом, как и существование неписанного внутригосударственного права, а именно – фактом непрерывного соблюдения и свидетельством сведущих лиц. Ибо, по верному замечанию Диана Хризостома, это право есть "приобретение времени и обыкновения". По этому предмету для нас наиболее полезны славные составители летописей.

Право же, установленное волею божества, в достаточной мере понятно для нас из самого названия; оно имеет непосредственным источником самую божественную волю. Этим признаком оно отличается от права естественного, которое, как мы сказали, тоже можно назвать божественным. К этому праву уместно применить то, что в чересчур общей форме вложено Плутархом в уста Анаксарха в жизнеописании Александра, а именно: не потому бог желает чего-нибудь, что предмет его воли справедлив, но оно потому справедливо, то есть обязательно по праву, что такова воля божества.

Право божественное преподано или человеческому роду, или одному народу. Известно, что закон божий был трижды дан человеческому роду: тотчас же после создания человека и впоследствии Христом ради полного искупления человеческого рода. Эти

три закона, без сомнения, всех людей с момента, когда они в достаточной мере дошли до их сведения.

Для нравственной способности управления государством, именуемой обычно гражданской властью, Фукидид считает характерным наличие трех признаков, так как он называет подлинным государством лишь то общественное целое, которое обладает собственными законами, судами и должностными лицами. Аристотель находит три отрасли управления государством, а именно: совещание о предметах общих, заботы о назначении должностных лиц и отправление правосудия (Политика, кн.IV, гл.IV). К первой он относит решение вопросов о войне и мире, о заключении и расторжении договоров, об издании законов; сюда же он относит вопросы о смертной казни, об изгнании, о конфискации имущества, о лихоимстве, то есть, согласно моему толкованию, предметы публичного правосудия, тогда как предварительно в понятие отправления правосудия Аристотель включил только рассмотрение дел частных.

Если же кому-нибудь угодно произвести правильное деление (функций государства), то он легко найдет все относящееся сюда, так что не получится ни недостатка, ни излишка. Ибо ведь тот, кто правит государством, отчасти правит самолично, отчасти через посредство других. Непосредственно правление главы государства касается либо государства в целом, либо отдельных частных. Государства в целом касается издание и отмена законов в области как религиозной (поскольку попечение о ней относится к ведению государства), так и светской. Соответствующее искусство у Аристотеля носит название "строительного".

Заведование отдельными частностями относится непосредственно либо к публичной, либо к частной области постольку, поскольку это связано с публичными интересами. Непосредственное отношение к области публичной имеют или действия, как заключение мира, объявление войны, заключение договоров, или вещи, как государственные налоги и тому подобное, куда включается также право верховенства, принадлежащее государству над гражданами и их имуществом в интересах государства. Соответствующее искусство Аристотель называет родовым именем "политики", то есть "гражданским" или

“совещательным” искусством. Дела частные составляют споры между отдельными гражданами, разрешение которых органами государственной власти производится в интересах общественного спокойствия; соответствующее искусство Аристотель называет “правосудием”. Отправление прочих обязанностей производится или через должностных лиц, облеченных властью, или через иных ответственных лиц, к числу которых относятся также послы. Такого рода действия составляют содержание государственной власти.

Верховной же властью называется такая власть, действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по ее усмотрению. Говоря “чужая” власть, я исключаю того, кому принадлежит верховная власть и кому предоставлено изменять свою волю, равно как и его преемника, который пользуется таким же правом, а стало быть, и той же, а не иной властью. Такова сущность верховной власти; а теперь следует выяснить, кто же является ее носителем. Носитель может быть или в общем, или же в собственном смысле: подобно тому как общий носитель зрения есть тело, собственный же – есть глаза, так общим носителем верховной власти является государство, названное выше “совершенным союзом”.

Следует, во-первых, отвергнуть мнение тех, которые полагают, что верховная власть всюду и без изъятия принадлежит народу, так что государей, которые злоупотребят своей властью, следует низлагать и карать: это мнение, проникнув в глубину души, послужило и может послужить еще в дальнейшем причиной столь многих бедствий, что со своей стороны намерены опровергнуть это мнение следующими доводами. Каждый человек волен отдаться кому угодно в личную зависимость.

Так разве же не волен свободный народ также подчиниться кому угодно, одному или же нескольким лицам, перенеся таким образом на них целиком власть управления собой и не сохранив за собой ни малейшей доли этой власти? И нельзя сказать, чтобы здесь скрывалось хотя бы малейшее произвольное предположение, ибо мы ставим вопросы не о каком-либо сомнительном допущении, но о том, что допустимо в силу права. И напрасно станут приводить здесь неудобства, проистекающие или могущие

проистечь отсюда, ибо какую бы форму правления ни изобрести, никак невозможно избежать тех или иных неудобств или опасностей.

Подобно тому как существуют различные образы жизни, причем один предпочтительнее другого, и каждый волен выбирать любой из множества различных родов, так и народ может избрать любой образ правления; ибо тот или иной правопорядок следует оценивать не с точки зрения преимуществ его формы, о чем суждения людей весьма расходятся, но с точки зрения осуществления в нем воли людей.

Причин же, почему народ может предпочесть отказаться целиком от верховной власти и передать ее другому, может быть великое множество, в частности, если доведенный до крайней опасности народ не имеет возможности найти иной способ защититься или же если угнетаемый нуждой не в состоянии иначе добыть достаточные средства существования.

Подобно тому как, по словам Аристотеля, некоторые люди от природы – рабы, то есть наиболее приспособлены к рабскому состоянию, так точно и некоторые народы по свойственному им образу мыслей предпочитают лучше подчиняться, нежели господствовать, что, как видно, создавали сами каппадокийцы, которые подчинение власти царя предпочитали предложенной им римлянами свободе и объявили, что они не могут жить без царя.

Все по природе имеют право противиться причинению им насилия. Но так как государство установлено для обеспечения общественного спокойствия, то ему принадлежит некое верховное право над нами и нашим достоянием, поскольку это необходимо для осуществления государственных целей. Поэтому государство и может наложить запрет на это всеобщее право сопротивления ради сохранения общественного мира и государственного порядка. А что государству угодно именно это, в том не может быть сомнения, так как иначе оно не может осуществлять свою цель. Ибо если сохранить такое всеобщее право сопротивления, то будет уже не государство, но беспорядочная толпа, как у циклопов.

Цит. по: Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1995.

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ

Преступления совершаются не только в большинстве обществ какого-либо одного определенного типа, но во всех обществах всех типов. Не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности. Ее формы меняются; деяния, квалифицируемые в качестве преступных в одном месте, не являются таковыми везде, однако всегда и повсюду есть люди, которые ведут себя таким образом, что это навлекает на них уголовное наказание. Если бы по мере того, как общество переходит от низших форм к высшим, уровень преступности, то есть соотношение между числом ежегодно совершаемых преступлений и количеством населения, обнаруживал тенденцию к снижению, можно было бы полагать, что преступность, оставаясь нормальным явлением, постепенно теряет этот характер. Однако у нас нет оснований считать, что такое снижение действительно происходит. Многие факты указывают скорее на наличие противоположной тенденции. С начала XIX столетия статистика позволяет нам следить за развитием преступности. Она повсюду возросла. Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления: ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива... Нет сомнения, что сама по себе преступность может принимать ненормальные формы, как это имеет место, например, в тех случаях, когда ее уровень необычно высок. Такого рода превышение нормы, безусловно, имеет патологический характер. Проще говоря, нормальным является само существование преступности при условии, что она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определенного типа: этот уровень, быть может, не невозможно установить.

Здесь мы сталкиваемся с выводом, казалось бы, совершенно парадоксальным. Не будем впадать в ошибку. Относя преступность к явлениям нормальной социологии, мы вовсе не хотим сказать, что это неизбежное, хотя и вызывающее сожаление явле-

ние, обязанное своим существованием неискоренимому злонравии людей. Мы хотим подчеркнуть, что преступность является одним из факторов общественного здоровья, неотъемлемой частью всех здоровых обществ.

Прежде всего, преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно. Преступление совершается в совершении деяния, наносящего ущерб очень сильным коллективным чувствам. В обществе, в котором более не совершается преступлений, чувства, страдающие от преступлений, должны были бы обнаруживаться в индивидуальном сознании всех без исключения членов общества, и они должны были бы проявляться в той же степени, в какой проявляются противоположные им чувства. Если даже предположить, что такого рода условие может быть реализовано, то и в этом случае преступления не исчезнут; они только изменят свою форму, ибо та самая причина, которая устранит указанным образом источники преступности, немедленно создаст новые источники.

...Для того, чтобы коллективные чувства, охраняемые уголовными законами нации в определенный период ее истории, овладели общественным сознанием, или для того, чтобы эти чувства приобрели большую силу там, где они недостаточны, они должны стать более интенсивными, чем это было раньше. Общество в целом должно испытывать эти чувства более напряженно, ибо ему неоткуда черпать большую силу, необходимую для контроля над лицами, которые раньше наименее поддавались воздействию, для того, чтобы исчезли убийства, отвращение к пролитию крови должно стать большим в тех социальных слоях, из которых рекрутируются убийцы; однако, прежде всего это отвращение должно с новой силой охватить все общество в целом. Более того, само отсутствие преступлений прямо содействовало бы появлению такого отвращения, ибо любые чувства, по видимому, пользуются гораздо большим уважением, когда они уважаются всеми и повсюду.

Легко упустить из виду то обстоятельство, что этот высокий уровень общественного сознания не может быть достигнут указанным образом, если не усилится острота переживания тех более слабых чувств, нанесение ущерба которым ранее означало лишь

нарушение обычая, ибо слабые чувства есть не что иное, как продолжение более сильных чувств, их более приглушенная форма. Так, хотя грабеж и простое проявление дурного вкуса ранят одно и то же альтруистическое чувство - чувство уважения к тому, что принадлежит другому, однако это чувство страдает от проявления дурного вкуса меньше, чем от грабежа; и поскольку, кроме того, среднее сознание не обладает интенсивностью, достаточной для того, чтобы остро реагировать на проявление дурного вкуса, к нему относятся с большей терпимостью. Вот почему за проявление дурного вкуса человека лишь порицают, в то время как за грабеж наказывают. Однако, если это чувство усилится до такой степени, что заставит замолкнуть в сознании каждого мотивы, побуждающие человека к воровству, он станет более чувствителен к нарушениям, которые до этого лишь слегка затрагивали его. Люди станут тогда более энергично реагировать на такие нарушения; их будут считать более позорными, и это приведет к тому, что некоторые из таких нарушений из области моральных проступков перейдут в область деяний, характеризующихся как преступные.

Представьте себе общество ссытых, образцовый монастырь примерных индивидуумов. Преступления в собственном смысле слова здесь неизвестны: однако проступки, представляющиеся несущественными мирянину, вызовут тут точно такой же скандал, какой обычные преступления вызывают в обычных условиях. Если к тому же такое общество обладает властью судить и наказывать, оно определит такие деяния как преступные и будет относиться к ним соответствующим образом. По этой же причине безупречно честный человек осуждает малейшие свои промахи с той суровостью, какую большинство людей проявляет в отношении деяний, с большим основанием относимых к числу преступлений. В прежнее время акты насилия над личностью встречались чаще, чем в наши дни, так как уважение к достоинству личности было не столь сильным. По мере усиления этого чувства такие преступления стали более редкими; вместе с тем в уголовный закон была введена ответственность за многие действия, посягающие на человеческое достоинство, которые не наказывались в уголовном порядке в прежние, примитивные времена.

...Следует, быть может, спросить, почему подобное единодушие не распространяется на все коллективные чувства без исключения? Почему даже самое слабое чувство не может обладать достаточной силой, чтобы предотвратить любое несогласие? Моральное сознание общества должно быть в целостном виде воплощено в индивидуальном сознании всех его членов и обладать силой воздействия, достаточной для того, чтобы предотвратить любые посягающие на него деяния – как малозначительные нарушения, так и преступления, однако такое универсальное и абсолютное единообразие совершенно невозможно; непосредственная физическая среда, окружающая каждого из нас, передаваемые по наследству качества и социальные влияния по-разному действуют на разных лиц, вследствие этого создают различия в сфере сознания. Люди не могут быть совершенно одинаковыми хотя бы потому, что каждый из них обладает своим собственным организмом, и эти организмы занимают различные зоны в пространстве.

Следовательно, поскольку не может быть общества, в котором бы индивидуумы не отличались бы в большей или меньшей степени от среднего коллективного типа, поскольку неизбежно, что среди такого рода отклонений существуют и отклонения преступного характера. Такой характер они приобретают не в силу каких-либо внутренне присущих данному деянию качеств, в связи с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, если оно обладает достаточным авторитетом, чтобы подавить эти отклонения, оно само становится вместе с тем более чувствительным, и выступая против малейших отклонений с энергией, проявляемой до этого только в отношении более значительных нарушений, это сознание придает им столь же серьезное значение, какое раньше придавалось преступлениям. Другими словами, оно определяет их в качестве преступных.

Итак, преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права.

Сегодня невозможно более оспаривать тот факт, что право и мораль изменяются с переходом общества от одного социального типа к другому; ни тот факт, что они эволюционируют в пределах общества одного и того же типа, если подвергаются изменениям условия жизни этого общества. Однако для того, чтобы эти трансформации были возможны, коллективные чувства, составляющие основу морали, не должны быть враждебны переменам, и, следовательно, должны обладать умеренной силой воздействия. Если они будут слишком сильны, они утратят гибкость. Каждая установившаяся система является препятствием для новой системы в той степени, в какой установившаяся система лишена гибкости. Чем более совершенна структура, тем больше проявляет она здорового сопротивления любым переменам: и это в одинаковой степени верно в отношении как внутренней, так и функциональной организации. Если бы не было преступности, это условие не могло бы быть выполнено, ибо такого рода гипотеза предполагает, что интенсивность коллективных чувств возросла до уровня, не имеющего примера в истории. Ничто не может быть хорошим безгранично и бесконечно. Сила воздействия морального сознания не должна быть чрезмерной, в противном случае никто не осмелится критиковать его, и оно легко примет застывшую форму. Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немыслимо без другого.

...Помимо такой косвенной пользы, преступность сама по себе играет немаловажную роль в эволюции. Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения. Там, где существуют преступления, коллективные чувства обладают достаточной гибкостью для того, чтобы принять новую форму, и преступление подчас помогает определить, какую именно форму примут эти чувства. Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит! Согласно закона Афин Сократ был

преступник, и его осуждение имело бесспорное основание. Однако вменяемое ему в вину преступление, а именно независимость мысли, послужило на благо не только человечеству, но и его собственной стране. Оно помогло сложиться новой морали и вере, в которой нуждались жители Афин, ибо традиции, в соответствии с которыми они жили до этого не соответствовали более существовавшим условиям жизни. Случай с Сократом не единственный; такого рода случаи периодически повторяются в истории. Свобода мысли, которой мы пользуемся ныне, была бы невозможна, если бы запрещавшие ее правила не нарушались вплоть до того момента, когда они торжественно отменены. Однако до этого нарушение этих правил считалось преступлением, ибо оно посягало на чувства, с особой силой переживавшиеся средним сознанием. И все же это преступление было полезно как прелюдия к реформам, которые с каждым днем становилось все более необходимыми.

С этой точки зрения основополагающие факты преступности предстают перед нами в совершенно ином свете. В отличие от ходящих представлений, преступник уже не кажется нам совершенно непригодным для общества существом, своего рода паразитическим элементом, чуждым и враждебным организмом, введенным в среду общества. Напротив, он играет определенную роль в социальной жизни. И само преступление уже нельзя понимать как зло, которое необходимо подавлять всеми возможными средствами. Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя, ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией. Так, число нападений никогда не бывает столь низким, как во время нужды. Падение уровня преступности влечет за собой пересмотр или необходимость пересмотра теории наказания. Если преступление действительно полезно, то наказание за него является лекарством и не может пониматься иначе. Вследствие этого цель всех дискуссий, возникающих в связи с преступлением, — это решить, каким должно быть наказание, способное выполнить роль лекарства. Если преступление вовсе не патология, то целью наказания не может быть

излечение и подлинную функцию наказания следует искать в каком-то ином направлении.

Цит. по: Норма и патология // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1992. № 2.

К.Маркс

ЗАМЕТКИ О НОВЕЙШЕЙ ПРУССКОЙ ЦЕНЗУРНОЙ ИНСТРУКЦИИ. ДЕБАТЫ ШЕСТОГО РЕЙНСКОГО ЛАНДТАГА

О законах

...Законы против *тенденции*, законы, не дающие объективных норм, являются террористическими законами, вроде тех, какие изобрела крайняя государственная необходимость при Робеспьере и испорченность государства при римских императорах. Законы, которые делают главным критерием не *действия*, как *таковые*, а образ *мыслей* действующего лица, – это ни что иное, как *позитивные санкции беззакония*.

...Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, поскольку я вступаю в область действительности, – я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо *своих действий* я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия – это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие – это единственное, для чего я требую права существования, *права действительности*, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть *действующего права*. Но закон, преследующий за *тенденцию*, карает не только то, что я делаю, но и то, что я думаю, *независимо* от моих действий. Он является, следовательно, оскорблением для чести гражданина, хитроумной ловушкой, угрожающей моему существованию.

...Закон, карающий за образ мыслей, не есть закон, *изданный государством для его граждан*, это – закон *одной партии против другой*. Преследующий за тенденцию закон уничтожает равенство граждан перед законом. Это – закон не единения, а все

законы разъединения реакционны. Это не закон, а *привилегия*. Один имеет право делать то, на что другой не имеет права, и не потому, что последнему недостает для этого объективного качества, — так, например, ребенок неспособен к заключению договоров, — нет, потому только, что его благонамеренность, его образ мыслей взяты под подозрение. *Нравственное государство* предполагает в своих членах *государственный образ мыслей*, если даже они вступают в *оппозицию против органа государства*, против *правительства*. Но в таком обществе, в котором *какой-либо один орган* мнит себя единственным, исключительным обладателем государственного разума и государственной нравственности, в таком правительстве, которое принципиально противопоставляет себя народу и поэтому считает *свой антигосударственный образ мыслей* всеобщим, нормальным образом мыслей, — там нечистая совесть политиканствующей клики измышляет законы о тенденции, *законы мести*, карающие за тот образ мыслей, которого на самом деле придерживаются одни только члены правительства. Законы, преследующие за принципы, имеют своей основе беспринципность, безнравственный, грубо-вещественный взгляд на государство. Они — невольный крик нечистой совести.

...Под так называемыми обычаями привилегированных подразумеваются *обычаи, противоречащие праву*.

...Обычные права благородных по своему *содержанию* встают против формы всеобщего закона. Они не могут быть отлиты в форму законов, так как представляют собой оформившееся беззаконие. Противореча по своему содержанию форме закона — всеобщности и необходимости, — эти обычные права тем самым показывают, что они являются *обычным бесправием*; их нельзя поэтому отстаивать в противовес закону, а, напротив, они, как нечто, противоположное закону, — должны быть отменены, и пользование ими должно даже повлечь за собой то или иное наказание. Ведь действие того или иного лица не перестает быть незаконным от того, что этот способ действия стал для данного лица привычкой, — подобно тому, как сын разбойника, также занимающийся разбоем, не может быть оправдан его семейной идиосинкразией. Если человек намеренно нарушает закон, то подлежит наказанию его намерение; если же он это делает по привыч-

ке, то наказанию подлежит его привычка, как дурная привычка. При господстве всеобщих законов разумное обычное право есть ни что иное, как *обычай установленного законом права*, ибо право не перестало быть обычаем от того, что конституировалось как закон, – оно перестало быть только обычаем. Для того, кто руководствуется правом, право становится его собственным обычаем; правонарушитель же принуждается к тому, чтобы повиноваться праву, хотя оно и не является для него обычаем. Право не зависит больше от случайности – от того, разумен или неразумен обычай; обычай, наоборот, становится разумным, потому что право превратилось в закон, потому что обычай стал государственным обычаем. Как *обособленная область*, существующая наряду с тем правом, которое установлено законом, обычное право поэтому разумно только там, где это право существует *наряду с законом и кроме него*, где обычай есть *предвосхищение* установленного законом права. Об обычном праве привилегированных сословий поэтому не может быть и речи. Закон признает не только их разумное право, но часто даже и их неразумные притязания. Привилегированные сословия не имеют права предвосхищать закон, ибо закон предвосхитил все возможные выводы из их права.

...Подобно тому как в законе, преследующем за тенденцию, *законодательная форма противоречит содержанию*: подобно тому как *правительство*, издающее этот закон, яростно выступает против того, что оно представляет в своем собственном лице, т.е. против антигосударственного образа мыслей, – точно так же правительство и в каждом частном случае является по отношению к своим законам как бы *миром, вывороченным наизнанку*, ибо оно применяет двоякую меру. Что для одной стороны – право, то для другой – правонарушение. *Уже самые законы, издаваемые правительством, представляют собой прямую противоположность тому, что они возводят в закон.*

...Свобода настолько присуща человеку, что даже ее противники осуществляют ее, борясь против ее осуществления; они хотят присвоить себе как драгоценнейшее украшение то, что они отвергли как украшение человеческой природы.

Ни один человек не борется против свободы, – борется человек, самое большое, против свободы других. Во все времена су-

ществовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях – как особая привилегия, в других – как всеобщее право.

...Не существует действующих предупредительных законов. Закон предупреждает только как повеление. Действенным законом он становится лишь тогда, когда его нарушают, так как в роли подлинного закона он выступает тогда лишь, когда в его лице бессознательный естественный закон свободы становится сознательным государственным законом. Там, где закон является действительным законом, т.е. осуществлением свободы, он является действительным осуществлением свободы человека. Законы, таким образом, не могут предупреждать действий человека, так как являются внутренними жизненными законами самих его действий, сознательными отображениями его жизни. Закон, следовательно, отступает перед жизнью человека, как жизнью свободы, и только когда действительный поступок человека показал, что человек перестал подчиняться естественному закону свободы, последний в форме государственного закона принуждает человека быть свободным, подобно тому, как физические законы только тогда выступают как нечто чуждое мне, когда моя жизнь перестает быть жизнью этих законов, когда она поражена болезнью. *Предупредительный закон есть, следовательно, бессмысленное противоречие.*

Предупредительный закон не включает, следовательно, в себе никакой меры, никакого разумного правила, так как разумное правило может быть заимствовано только из самого существа вещей, в данном случае – из существа свободы. Он безмерен, так как для того, чтобы служить предупреждением против свободы, он должен быть так же всеобъемлющ, как и его объект, т.е. неограничен. Предупредительный закон представляет собой, следовательно, противоречие неограниченного ограничения, а тот предел, на который он наталкивается, возникает не в силу необходимости, а в силу случайности произвола.

Низшая форма свободы сама по себе должна быть признана бесправной, раз более высокая форма ее считается неправомерной. Право отдельного гражданина есть бессмыслица, когда не признано право государства. Если свобода вообще правомерна,

то, разумеется, каждая определенная ее форма тем правомерней, чем ярче и полнее проявилась в ней свобода.

...Если и верно заключение, что существование более высокой формы права доказывается существованием права более низкой формы, то совершенно неверно применять более низкую сферу как мерило для более высокой сферы; в этом случае разумные в данных пределах законы искажаются и превращаются в карикатуру, так как им произвольно придается значение законов не этой определенной области, а другой, более высокой.

...Одна форма свободы обуславливает другую, как один член тела обуславливает другой. Всякий раз, когда под вопрос становится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще. Всякий раз, когда отвергается какая-либо одна форма свободы, этим самым отвергается свобода вообще, — она обрекается на призрачное существование, и от чистой случайности будет зависеть, в какой именно области несвобода будет безраздельно господствовать. Несвобода становится правилом, а свобода — исключением из правила, делом случая и произвола. Нет поэтому ничего более ошибочного, чем полагать, будто вопрос об особой форме существования свободы есть особый вопрос. Это — общий вопрос в пределах особой сферы. Свобода остается свободой, в чем бы она не выражалась: в типографской ли краске, во владении ли землей, в совести или же в политическом собрании. Но лояльный друг свободы, который чувствовал бы себя задетым в своей части, если бы пришлось голосованием ответить на вопрос: *быть или не быть свободе?* — этот самый друг свободы становится в тупик перед своеобразным жизненным материалом, в котором свобода нашла свое проявление; в разновидности он не узнает рода, из-за печати он забывает свободу.

...Закон не свободен от общей для всех обязанности говорить правду. Он вдвойне обязан это делать, так как он является всеобщим и подлинным выразителем правовой природы вещей. Правовая природа вещей не может поэтому приспособляться к закону — закон, напротив, должен приспособляться к ней.

О преступлениях и наказаниях

...Вам ни в какой мере не удастся заставить нас поверить в наличие преступления там, где нет преступления, – вы можете только само преступление превратить в правовой акт. Вы стерли границы, но вы ошибаетесь, если думаете, что это приносит вам одну только пользу. Народ видит наказание, но не видит преступления, и именно потому, что он видит наказание там, где нет преступления, он перестает видеть преступление там, где есть наказание.

...Если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определенную меру наказания. Действительное преступление ограничено. Должно быть поэтому ограничено и наказание, хотя бы для того уже, чтобы быть правомерным. Задача состоит в том, чтобы сделать наказание действительным следствием преступления. Наказание должно явиться в глазах преступника необходимым результатом его собственного деяния, – следовательно, его *собственным деянием*. Пределом его наказания должен быть предел его деяния. Определенное *содержание* правонарушения является пределом для определенного преступления. *Мера* этого содержания есть, таким образом, и мера преступления.

...Под так называемыми обычаями привилегированных подразумевают *обычаи, противоречащие праву*.

...Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он сделает это не путем ограничения сферы права, а тем путем, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности. Он не ограничится тем, что для членов одного класса устранил *все то, что не дает им возможности* подняться на более высокую ступень правовой сферы, а предоставит самому этому классу *реальную возможность* пользоваться своими правами. Но если государство является для этого недостаточно гуманным, богатым и великодушным, то, по крайней мере, безусловный долг законодателя – не превращать в *преступление* то, что имеет характер *проступка*, и то лишь в силу обстоятельств. С величайшей гуманностью дол-

жен он исправлять все это, как социальную *неурядицу*, и было бы величайшей несправедливостью карать за эти проступки как за антисоциальные преступления. В противном случае он поведет борьбу против социальных побуждений, полагая, что борется против их антисоциальной формы. Одним словом, соблюдение народных обычных прав, — там, где они подавляются, — может рассматриваться только как простое *нарушение* полицейских постановлений, но ни в коем случае не может караться как преступление. Полицейское наказание есть средство против такого действия, которому обстоятельства придают характер нарушения внешнего порядка, но которое не является нарушением вечного правового порядка. Наказание не должно внушать больше отвращения, чем проступок, позор преступления не должен превращаться в позор для закона. Если несчастье становится преступлением или преступление — несчастьем, то это подрывает основы государства.

...Государство должно видеть в человеке, нарушившем... правила, нечто большее, чем правонарушителя... Разве каждый из граждан не связан с государством тысячью жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все эти нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал какой-нибудь *один* нерв? Государство должно видеть и в нарушителе... правил человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства. Государство не может легкомысленно отстранить одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника. И *нравственный* законодатель прежде всего будет считать самым серьезным, самым болезненным и опасным делом, когда к области преступлений относят такое действие, которое до сих пор не считалось преступным.

Я вообще не думаю, что личности должны служить гарантиями против законов; я, наоборот, думаю, что законы должны служить гарантиями против личностей. И сумеет ли даже самая

необузданная фантазия вообразить себе, что люди, которые в высокой роли законодателей ни на одну минуту не могут возвыситься над узким, практически-низменным настроением своекорыстия и подняться до теоретической высоты всеобщих и объективных воззрений, люди, которые дрожат уже при одной мысли о будущих убытках и хватаются за что угодно, лишь бы защитить свои интересы, – что эти же люди станут вдруг философами пред лицом действительной опасности? Но никто, даже самый лучший законодатель, не должен ставить свою личность выше защищаемого им закона. Никто не имеет права декретировать самому себе вотум доверия, который чреват последствиями для третьих лиц.

...Государство может и должно сказать: я гарантирую право от всяких случайностей. Только право во мне и бессмертно, и потому я вам доказываю смертность преступления тем, что уничтожаю его. Но государство не может и не должно говорить: частный интерес, определенное существование собственности, лесной участок, дерево, сучок (а в сравнении с государством самое большое дерево не более чем сучок) гарантированы от всех случайностей, бессмертны. Государство не может идти против природы вещей, оно не может оградить конечное от тех условий, которым конечное подчинено, от случайности. Так же как государство, до *того* как преступление было совершено, не может гарантировать вашу собственность от всяких случайностей, – в такой же мере преступление не может превратить эту неустойчивую природу вашей собственности в ее противоположность. Во всяком случае, государство обеспечит ваш частный интерес, поскольку он может быть обеспечен разумными законами и разумными предупредительными мерами, но государство за вашим частным иском к преступнику не может признать другого права, кроме права всех частных исков, – защиты, оказываемой гражданским судопроизводством. Если таким путем вы, вследствие несостоятельности преступника, не можете получить вознаграждение, то отсюда следует лишь то, что *всякий законный путь* к вознаграждению исчез. Мир от этого не выйдет из своей орбиты, государство не оставит солнечного пути справедливости, вы же узнаете, что все земное – преходяще, а это, при вашей сугубой религиозности, вряд ли покажется вам пикантной новостью и не

более удивит вас, чем буря, пожар и лихорадка. Но если бы государство захотело сделать преступника вашим временным крепостным, то оно принесло бы бессмертие права в жертву вашему ограниченному частному интересу. Оно этим доказало бы преступнику смертность права, между тем как наказание должно было служить доказательством того, что право бессмертно.

О законодателе и правосудии

Приговор существует только для того, чтобы констатировать рецидивы. Судебные формы представляются алчному, беспокойному частному интересу тягостными и излишними препятствиями, которые ставит перед ним педантичный правовой этикет. Судебный процесс – это только надежный конвой, который должен препроводить противника в тюрьму, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть чем-то большим, там его заставляют молчать.

...Какой глупой и непрактичной является вообще иллюзия, будто возможен беспристрастный судья, когда законодатель пристрастен! Может ли иметь какое-либо значение бескорыстный приговор, если закон своекорыстен? Судья может только с пуританской строгостью формулировать своекорыстие закона, только безоговорочно применять его. Беспристрастие в этом случае является формой приговора, но не содержанием его. Содержание предопределено законом. Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры: материальное право, однако, имеет свои *необходимые, присущие ему процессуальные формы*. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, – подобно этому гласный, свободный судебный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы жи-

вотных – с мясом и кровью животных. *Один и тот же* дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни.

Законодатель же должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками. Но точно так же и законодатель имеет право рассматривать как безграничный произвол тот случай, когда частные лица хотят осуществить свои капризы наперекор сущности дела.

...Никто не может быть заключен в тюрьму либо же лишен своей собственности или другого *юридического* права на основании своего морального характера, на основании своих политических и религиозных убеждений.

...Мы требуем неприкосновенного *правового положения* для всякого негодного существа не потому, что оно негодно, а постольку, поскольку его порочность остается в пределах его образа *мыслей*, для которого не существует *ни трибунала, ни кодекса*. Мы, таким образом, противопоставляем *дурной образ мыслей*, для которого не существует *трибунала, дурным деяниям*, для которых в случае, если они *противозаконны*, существует *трибунал и уложение о наказаниях*. Мы, таким образом, утверждаем, что и негодное существо, несмотря на свою негодность, имеет право на существование, если только последнее не *противозаконно*.

О бюрократии

...*Корпорации* представляют собой материализм бюрократии, а бюрократия есть спиритуализм корпораций. Корпорация составляет бюрократию гражданского общества, бюрократия же есть корпорация государства. В действительности поэтому бюрократия противопоставляет себя, как "гражданское общество государства", – корпорациям, как государству гражданского общества". Там, где "бюрократия" является новым принципом, где всеобщий государственный интерес начинает становиться

"обособленным" для себя и в силу этого "действительным" интересом, бюрократия борется против корпораций, как всякое следствие борется против существования своих предпосылок. Но как только государство пробуждается к действительной жизни и гражданское общество, действуя по побуждению своего собственного разума, освобождается от власти корпораций, бюрократия старается восстановить их, ибо с падением "государства гражданского общества" падает также "гражданское общество государства".

..."Бюрократия" есть "государственный формализм" гражданского общества. Она есть "сознание государства", "воля государства", "могущество государства", как особая корпорация ("всеобщий интерес" может устоять как "особый интерес" против особого интереса лишь до тех пор, пока особое, противопоставляя себя всеобщему, выступает в качестве "всеобщего". Бюрократия должна, таким образом, защищать *мнимую* всеобщность особого интереса, корпоративный дух, чтобы спасти *мнимую* особенность всеобщего интереса, свой собственный дух. Государство неизбежно остается корпорацией, пока корпорация стремится быть государством). Бюрократия составляет, следовательно, особое, *замкнутое* общество в государстве. Но бюрократия желает сохранения корпорации как некоторой *мнимой* силы. Правда, и каждая отдельная корпорация, поскольку дело идет о ее *особом интересе*, имеет такое же желание в отношении бюрократии, но она *желает сохранения* бюрократии как противовеса против другой корпорации, против чужого особого интереса. Бюрократия как *завершенная корпорация* одерживает, таким образом, верх над *корпорацией* как незавершенной бюрократией. Она низводит последнюю до уровня простой видимости или стремится низвести ее до этого уровня, но она желает, чтобы эта видимость существовала и верила в свое собственное существование. Корпорация есть попытка гражданского общества стать государством, бюрократия же есть такое государство, которое действительно сделало себя гражданским обществом.

"Государственный формализм", воплощенный в бюрократии, есть "государство как формализм", и в качестве такого формализма описал бюрократию Гегель. Так как этот "государственный

формализм" конституирует себя как действительная сила и самого себя делает своим собственным *материальным* содержанием, то ясно само собой, что "бюрократия" представляет собой сплетение *практических* иллюзий или что она есть "иллюзия государства"; дух бюрократии есть всецело дух иезуитства, дух теологии. Бюрократы – иезуиты государства и его теологи. Бюрократия есть государство-священнослужитель.

Так как бюрократия есть по своей *сущности* "государство как формализм", то она является таковым и по своей *цели*. Действительная цель государства представляется, таким образом, бюрократии *противогосударственной* целью. Дух бюрократии есть "формальный дух государства". Она превращает поэтому "формальный дух государства", или *действительное* бездушное государства, в категорический императив. Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои "формальные" цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с "реальными" целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи или канцелярские задачи – в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных дел: низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение.

Бюрократия есть мнимое государство наряду с реальным государством, она есть спиритуализм государства. Всякая вещь поэтому приобретает двойственное значение: реальное и бюрократическое, равно как и звание (а также и воля) становится двойственным – реальным и бюрократическим. Но реальная сущность рассматривается бюрократией сквозь призму бюрократической сущности, сквозь призму потусторонней спиритуалистической сущности. Бюрократия имеет в своем обладании государство, спиритуалистическую сущность общества: это есть ее *частная собственность*. Всеобщий дух бюрократии есть *тайна*, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к

внешнему миру – ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии *предательством* по отношению к ее тайне. *Авторитет* есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее образ *мыслей*. Но в ее собственной среде *спиритуализм* превращается в *грубый материализм*, в материализм слепого подчинения, веры в авторитет, в *механизм* твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций.

Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, *в погоню за чинами, в делание карьеры*. Во-первых, этот отдельный бюрократ рассматривает действительную жизнь как *материальную*, ибо *дух этой жизни имеет свое обособившееся существование* в бюрократии. Бюрократия поэтому должна стремиться к тому, чтобы сделать жизнь возможно более материальной. Во-вторых, это действительная жизнь для самого бюрократа, – т.е. поскольку она становится объектом его бюрократической деятельности, – является *материальной*, ибо дух этой жизни ей предписан, ее цель лежит вне ее, ее бытие есть канцелярское бытие. Государство существует уже лишь в виде различных определенных бюрократических сил, связанных между собой посредством субординации и слепого подчинения. *Действительная* наука представляется бюрократу бессодержательной, как действительная жизнь – мертвой, ибо это мнимое знание и эта мнимая жизнь принимаются им за самую сущность. Бюрократ должен поэтому относиться по-иезуитски к действительному государству, будет ли это иезуитство сознательным или бессознательным. Но, имея своей противоположностью знание, это иезуитство по необходимости должно также достигнуть самосознания и стать намеренным иезуитством.

...Упразднение бюрократии возможно лишь при том условии, что всеобщий интерес становится особым интересом в *действительности*, а не только – как у Гегеля – в мысли, в *абстракции* это, в свою очередь, возможно лишь при том условии, что особый интерес становится в действительности *всеобщим*. Гегель исходит из недействительной противоположности и приходит поэтому лишь к мнимому тождеству, которое на самом деле снова содер-

жит в себе противоположность. Таким тождеством является бюрократия.

О государстве и гражданском обществе

...Современное государство, в котором *"всеобщее дело"*, как и знание им, является монополией, а монополии, с другой стороны, выступают как действительные всеобщие дела, – это современное государство додумалось до странной идеи – присвоить себе *"всеобщее дело"* в качестве *одной только формы* (истинное заключается в том, что только *форма* является здесь всеобщим делом). Современное государство, таким образом, нашло соответствующую форму для своего содержания, которое только по видимости является действительным всеобщим делом.

Конституционное государство есть то государство, в котором государственный интерес, в качестве действительного интереса народа, существует *лишь* формально, но как *определенная форма*, он существует наряду с действительным государством. Государственный интерес здесь *формально* снова получил действительность как народный интерес, но он должен иметь именно *лишь* эту *формальную действительность*. Этот государственный интерес стал формальностью, приправой народной жизни, некой *церемонией*.

Сословный элемент есть *санкционированная, узаконенная ложь* конституционных государств: *государство* является-де *интересом народа* или *народ – интересом государства*. В *содержании* эта ложь разоблачится. В качестве *законодательной власти* эта ложь прочно установилась именно потому, что законодательная власть имеет своим содержанием всеобщее и, являясь более делом знания, чем воли, представляет собой *метафизическую государственную власть*, тогда как та же ложь, в качестве *правительственной власти* и т.д., непременно должна была бы или немедленно рассеяться, или же превратиться в правду.

...В отношении каждой отдельной личности обнаруживается, чем является здесь *всеобщий закон*. Гражданское общество и государство оторваны друг от друга. Следовательно, и гражданин государства оторван от гражданина как члена гражданского общества. Человеку, таким образом, приходится подвергнуть са-

мого себя *существенному раздвоению*. Как *действительный гражданин* он находит себя в двойной организации: в бюрократической, – она представляет собой внешнее формальное определение потустороннего государства, правительственной власти, не затрагивающей гражданина и его самостоятельной действительности, – в *социальной*, в организации гражданского общества. Но в последней он в качестве *частного лица* стоит вне государства; эта организация не касается политического государства как такового. Первая организация есть государственная организация, *материю* которой всегда составляет гражданин. Вторая организация есть *гражданская организация*, для которой государство не является материей. В первой организации государство выступает как формальная противоположность по отношению к гражданину, во второй организации гражданин сам выступает как материальная противоположность по отношению к государству. Для того, следовательно, чтобы быть *действительным гражданином государства*, чтобы достигнуть политического значения и политической действительности, гражданин должен выйти из рамок своей гражданской действительности, абстрагироваться от нее, уйти от всей этой организации в свою индивидуальность, ибо его *обнаженная индивидуальность* как таковая есть единственное существование, которое он находит для своего политического гражданства. Ведь помимо него сложилось существование государства как правительства, а существование гражданина в гражданском обществе сложилось помимо государства. Только в противоречии с единственно *существующими видами общности*, только как *индивид* он может стать *гражданином государства*. Его существование в качестве гражданина государства является существованием, лежащим вне всякой *общности*, которой он реально принадлежит, следовательно, чисто *индивидуальным* существованием. Ведь “законодательная власть” как “власть” является как раз той *организацией*, тем *общественным телом*, которое это существование должно приобрести. До “законодательной власти” гражданское общество, частное сословие, не существует в качестве *государственной организации*, и для того, чтобы это сословие как таковое достигло существования, необходимо, чтобы его действительная организация, его действительная

гражданская жизнь, полагалась *несуществующей*, ибо сословный элемент законодательной власти имеет как раз своим назначением полагать *частное сословие, гражданское общество* как *несуществующее*. Раздельность гражданского общества и политического государства выступает необходимо как отделение *политического* гражданина, гражданина государства, от гражданского общества, от своей собственной, подлинной, эмпирической действительности, ибо как государственный идеалист он является *совсем иным существом*, которое *разнится*, отличается от его действительности и противоположно ей. Гражданское общество устанавливает здесь, в своей собственной среде, то отношение между государством и гражданским обществом, которое на другой стороне уже осуществлено в бюрократии. В сословном элементе всеобщее действительно становится *для себя* тем, что оно есть в себе, а именно – противоположностью особого. Чтобы достигнуть политического значения и политической действительности, гражданин должен отрешиться от своего сословия, от гражданского общества, от *частного сословия*, ибо именно это *сословие* стоит между *индивидом и политическим государством*.

...Сословия сообщая с правительственной властью образуют середину между монархическим принципом и народом, между государственной волей, существующей в качестве *единой* эмпирической воли, и государственной волей, существующей в качестве *многих* эмпирических волей, между *эмпирической единичностью и эмпирической всеобщностью*.

Однако настоящими противоположностями являются государь и гражданское общество. И мы уже видели, что то же значение, которое правительственная власть имеет со стороны государя, сословный элемент имеет со стороны народа. Подобно тому как правительственная власть *расширяется*, порождая сложную систему кругов, так сословный элемент *сжимается* в миниатюру, ибо конституционная монархия может ужиться лишь с *народом*... Сословный элемент – *та же самая* абстракция политического государства со стороны гражданского общества, какую представляет собой правительственная власть со стороны государя. Опосредствование, таким образом, как будто осуществилось в полной мере. Обе крайности освободились от всей закоснелости, послали

навстречу друг другу огонь своей особой сущности, и законодательная власть, чьими элементами являются как правительственная власть, так и сословия, не должна как будто еще только стремиться к осуществлению опосредствования, — она сама представляет собой уже получившее осуществление опосредствование.

Цит. по: Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции: Дебаты шестого Рейнского ландтага // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.1.

Р. Мертон

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И АНОМИЯ

В социологической теории существует заметная и настойчивая тенденция относить неудовлетворительное функционирование социальной структуры в первую очередь на счет присущих человеку повелительных биологических влечений, которые недостаточно сдерживаются социальным контролем. С этой точки зрения социальный порядок — всего лишь инструмент для регулирования импульсивных действий, "социальной переработки" напряжений. Следует отметить, что эти импульсивные действия, прорывающиеся сквозь социальный контроль, рассматриваются в качестве проявления биологически обусловленных влечений. Предполагается, что стремление к неподчинению коренится в самой природе человека. Подчинение, таким образом, представляет собой результат либо практического расчета, либо механического кондиционирования. Эта точка зрения, не говоря уже о ее прочих недостатках, явно не дает ответа на один вопрос. Она не дает основы для определения тех условий небιологического характера, которые стимулируют отклонения от предписанного типа поведения.

...Мы исходим из предложения, что определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой "нормальный" ответ на возникающую ситуацию... Некоторые социальные структуры оказывают определенное давление на от-

дельных членов общества, толкая их скорее на путь неподчинения, чем на путь поведения, соответствующего с общепринятыми правилами.

Среди элементов социальной и культурной структуры особую важность для нас имеют два элемента. Аналитически они разделимы, хотя в конкретных ситуациях они нераздельно переплетаются. Правый элемент состоит из целей, намерений и интересов, определяемых данной культурой. Они составляют сферу устремлений. Указанные цели более или менее интегрированы и включают в себя различные степени престижа и эмоций ... Некоторые из этих определяемых культурой устремлений имеют отношение к первичным влечениям человека, однако они не определяются ими. Вторая фаза социальной структуры определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения этих целей. Каждая социальная группа обязательно сочетает свою шкалу желаемых целей с моральным или институциональным регулированием допустимых и требуемых способов достижения этих целей. Этого рода регулятивные нормы и моральные императивы не обязательно совпадают с нормами, определяющими техническую целесообразность или эффективность этих способов. Многие способы, которые отдельным лицам представляются наиболее эффективными для достижения желаемых ценностей, такие, как незаконные операции с акциями нефтяных компаний, кража, мошенничество, исключены из институциональной сферы дозволенного поведения. Выбор подходящих средств ограничен институциональными нормами.

...Значимость определенных целей может изменяться независимо от степени значимости институциональных средств. Могут иметь место случаи непропорционального, иногда по существу исключительного подчеркивания ценности определенных целей в сочетании со сравнительно малой озабоченностью относительно институционально одобряемых средств и их достижения. Своего крайнего выражения подобная ситуация достигает в том случае, когда выбор альтернативных способов ограничивается только техническими, а не институциональными соображениями. В такого рода гипотетическом полярном случае были бы разрешены все и любые средства, способные обеспечить достижение исключи-

тельно важных целей. Таков один тип несогласованности элементов культуры. Второй полярный случай обнаруживается в тех группах, где деятельность, первоначально задуманная в качестве средства достижения цели, становится самоцелью. В таких группах первоначальные цели забыты, и ритуалистическая приверженность к институционно предписанному поведению принимает характер подлинной одержимости. Принимаются широкие меры к обеспечению стабильности, в то время как к переменам относятся с пренебрежением.

Выбор альтернативных способов поведения строго ограничивается. Развивается связанное с традициями священное общество, характеризующееся неофобией. Служебный психоз бюрократа может служить здесь примером. Наконец, имеются группы промежуточного типа, в которых существует равновесие между целями, определенными культурой, и институционными средствами. Эти группы характеризуются значительной интеграцией и относительной стабильностью, не препятствующей переменам.

Эффективное равновесие между двумя указанными фазами социальной структуры достигается до тех пор, пока лица, подчиняющиеся ограничениям особого рода, получают удовлетворение; речь идет об удовлетворении от достижения определенных целей и об удовлетворении, непосредственно проистекающем от использования институционно одобряемых способов достижения этих целей. Успех в подобных уравновешенных случаях складывается из двух моментов, успех здесь оценивается в терминах результата и терминах процесса, в терминах конечного выхода и в терминах деятельности. Постоянное удовлетворение должно проистекать из самого по себе участия в конкретном порядке, из опережения конкурентов, поскольку сохраняется конкурентный порядок. Случайные жертвы, сопряженные с институционализированным поведением, должны компенсироваться социально-апробированным вознаграждением. Распределение статусов и ролей посредством соревнования должно быть организовано таким образом, чтобы для любой позиции в рамках установленного распределения порядка существовал положительный фактор, стимулирующий соответствие каждой своей роли и выполнение обязательств, связанных со статусом. Поэтому отклоняющееся от

нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения.

Из типов групп, формирующихся в результате независимых изменений в соотношении двух фаз социальной структуры, нас интересуют главным образом группы первого типа, именно те, в которых непропорционально большое ударение ставится на целях. Это положение следует переформировать в надлежащей перспективе. *Нет таких групп, в которых отсутствовали бы кодексы, регулирующие поведение, однако существуют различия в степени, в которой обыкновения, нравы и институционный контроль эффективно сочетаются с менее определенными целями, составляющими часть культурной основы общества.* Эмоциональные убеждения могут группироваться вокруг комплекса признанных обществом целей, лишая одновременно своей поддержки определенные данной культурой средства их достижения... Определенные аспекты социальной структуры могут породить противонравы и антисоциальное поведение именно вследствие различия в значении, придаваемом целями и нормами, регулирующим их достижение. В крайних случаях эти последние могут быть настолько подорваны чрезмерным акцентом на целях, что выбор способов поведения будет ограничиваться только соображениями технической целесообразности. Вследствие этого единственным вопросом, имеющим значение, становится вопрос о том, насколько эффективны наличные средства овладения социально апробированными ценностями. Способ, наиболее практичный с технической точки зрения, независимо от того, законен он или нет, получает предпочтение перед институционно предписанным поведением. По мере развития этого процесса интеграция общества ослабевает и развивается.

Процесс, имеющий своим результатом преувеличение значения цели, порождающий подлинную деморализацию, то есть деинституционализацию средств, присущ многим группам, в которых отсутствует достаточно высокая степень интеграции этих двух фаз социальной структуры. *Чрезвычайное значение, придаваемое в нашем обществе накоплению богатства в качестве символа успеха, препятствует установлению полностью эффективного контроля над использованием институционно урегулированных*

способов приобретения состояния. Обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь выбор запрещенных средств становится все более обычным, когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой цели достижения успеха, расходится с координированным институциональным значением средств. Это положение имеет решающее теоретическое значение при анализе доктрины, согласно которой антисоциальное поведение чаще всего проистекает от биологических влечений, прорывающихся сквозь ограничения, налагаемые на человека обществом. Разница между этими двумя концепциями – это разница между узко утилитарным истолкованием, считающим, что человек ставит перед собою цели, и анализом, обнаруживающим, что эти цели обусловлены характером основных ценностей данной культуры.

...Мы обрисовали три идеальных типа социального порядка, образуемых различными типами связи между определяемыми культур целями и средствами их достижения. Исходя из этих типов определяемых культурой сочетаний, мы обнаруживаем пять логически возможных, альтернативных способов приспособления, или адаптации, индивидуума к условиям, существующим в обществе или группе – носителе данной культуры. Они схематически показаны на следующей таблице, где (+) означает "принятие", (-) – "устранение", и (*) – "отказ и замену новыми целями и стандартами".

	Определяемые культурной цели	Институционализированные средства
1. Подчинение	+	+
2. Инновация (обновление)	+	–
3. Ритуализм	–	+
4. Ретретизм (уход от жизни)	–	–
5. Мятеж	•	•

...Лица могут переходить от одной альтернативы к другой по мере того, как они вовлекаются в различные виды социальной деятельности. Эти категории относятся к адаптации личности, к определенной роли в специфических ситуациях, а не к личности in toto.

В любом обществе приспособление типа 1 (подчинение как определяемым культурой целям, так и средствам) наиболее обычно и широко распространено. Если бы дело обстояло иначе, было бы невозможно поддерживать стабильность и преемственность общества. Сложная конфигурация устремлений, составляющая основу каждого социального порядка, находит свое внешнее выражение в модальном поведении членов этого общества, подпадающем под первую из приведенных категорий. Поведение в рамках общепризнанной роли, ориентированное на достижение основных ценностей группы, представляет собой правило, а не исключение, уже этот факт сам по себе позволяет нам говорить о совокупности людей как о группе или обществе.

Приспособление типа IV (отрицание целей и средств) встречается реже всего. Люди, которые "приспособлены" (или неприспособлены) в этом смысле находятся, строго говоря, в обществе, однако они не принадлежат ему. В социологическом смысле они являются подлинными "чужаками". Не разделяя общую ориентацию, они могут быть отнесены к числу членов данного общества чисто фиктивно. Под эту категорию подпадают некоторые виды активности психопатов, психоневротиков, лиц, страдающих хроническим психическим расстройством, выражающемся в уходе от реального мира во внутренний мир болезненных переживаний, алкоголиков и наркоманов. Эти лица в некоторых сферах деятельности отказываются от определенных данной культурой целей, доходя в полярном случае до полного отрицания целенаправленной деятельности, а их приспособление не находится в согласии с институциональными нормами.

Подобного рода "приспособление" имеет место, поскольку речь идет о структурных источниках, в случае, когда цели культуры и институционализированные средства их достижения полностью усвоены лицом и получают с его стороны политическую, эмоциональную и высокую социальную оценку, однако институционализированные способы, дающие известную возможность достижения этих целей, недоступны этому лицу. В подобных ситуациях возникает двоякого рода психологический конфликт, поскольку моральное обязательство придерживается институциональных средств, вступает в противоречие с давлением, вынуж-

дающим прибегнуть к незаконным средствам (способным обеспечить достижение цели), и ввиду того, что лицо не имеет возможности использовать средства, которые были законны и эффективны. Конкурентный порядок подтверждается, однако потерпевший неудачу и оказавшийся перед непреодолимым препятствием индивидуум, который не может справиться с этим порядком, выпадает из него. Пораженчество, квиетизм и самоустранение проявляют себя в психологических механизмах бегства от действительности, с неизбежностью ведущего к "бегству" от требований, предъявляемых обществом. Это результат постоянных неудач в стремлении достигнуть цели законными средствами и неспособности прибегнуть к незаконным способам вследствие наличия внутреннего запрета и институционализированного принуждения, причем в ходе этого процесса высшая ценность успеха как цели еще не отвергнута. Конфликт разрешается путем устранения обоих воздействующих элементов – как целей так и средств. Бегство завершено, конфликт устранен, индивидуум приспособился к требованиям общества.

...В случаях, когда неудача связана с недоступностью эффективных институционных средств достижения экономического или какого-нибудь иного высокоценимого "успеха", возможны также приспособления типа II, III и V (нововведение, ритуализм, мятеж). Результат будет определяться конкретными чертами личности и тем самым конкретной культурной характеристикой. *Неадекватное приспособление лица к требованиям общества может иметь своим результатом реакцию типа инновации, через которую конфликт и переживания, связанные с неудачей в достижении цели, устраняются путем отказа от институционных средств и сохранения стремлений к достижению успеха; крайняя степень усвоения институционных требований ведет к ритуализму, при котором цель отбрасывается как находящаяся за пределами достижимого, однако подчинение нравам продолжает поддерживаться; мятеж имеет место в случае, когда освобождение от господствующих стандартов, являющееся результатом неудачи или ограниченности перспектив, ведет к попытке ввести "новый социальный порядок".*

Предметом нашего внимания в данном случае является незаконное приспособление. Оно сопряжено с использованием, по общему признанию, запрещенных, но часто эффективных средств достижения по меньшей мере видимости определяемого культурой успеха – богатства, власти и тому подобного. Как мы уже видели, такого рода приспособление встречается в случае, когда лицо восприняло определяемый культурой акцент на цели достижения успеха, без того, чтобы в равной мере усвоить предписываемые моралью нормы, руководящие выбором средств достижения этого успеха.

Если мы хотим понять социальные причины антисоциального поведения, то наряду с особым акцентом на денежном успехе следует учитывать и другие фазы социальной структуры. Многие случаи поведения, отклоняющегося от нормы, порождаются не просто "отсутствием возможностей" или преувеличенным подчеркиванием значения денежного успеха. Сравнительная жесткость классовой структуры, феодальный или кастовый порядок могут ограничивать возможности подобного рода далеко за пределами, что имеет место в американском обществе сегодня. Антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения. Иными словами, наша идеология равенства, по сути дела, опровергается существованием групп и индивидуумов, не участвующих в конкуренции для достижения денежного успеха. Одни и те же символы рассматриваются в качестве желательных для всех. Считается, что эти цели перекрывают классовые различия, не ограничены ими, однако в действительности социальная организация обуславливает существование классовых различий в степени доступности этих общих для всех символов успеха. Неудачи и подавленные устремления ведут к поискам путей для бегства из культурно обусловленной невыносимой ситуации; либо желания, не получившие удовлетворения, могут найти выражение в незаконных попытках овла-

деть доминирующими ценностями. Характерное для Америки придание чрезвычайного значения денежному успеху и культивирование честолюбия у всех приводят, таким образом, к возникновению преувеличенных тревог, враждебности, неврозов, анти-социального поведения.

Этот теоретический анализ можно распространить на объяснение меняющихся отношений между преступностью и бедностью. Бедность не представляет собой изолированной переменной. Она включена в комплекс взаимозависимых переменных социального и культурного характера. Рассматриваемая в таком контексте бедность представляется в совершенно ином аспекте. Бедность как таковая и сопутствующее ей ограничение возможностей сами по себе недостаточны для того, чтобы обусловить заметное повышение коэффициента преступного поведения. Даже часто упоминаемая "бедность среди изобилия" не ведет с необходимостью к такому результату. Только в той мере, в какой нищета и соединенные с ней невзгоды в конкурентной борьбе за овладение ценностями, одобренными культурой для всех членов данного общества, связаны с восприятием обусловленного культурой акцента на значении денежного накопления как символа успеха, антисоциальное поведение представляет собой нормальный исход. Так, бедность в гораздо меньшей степени связана с преступностью в Юго-Восточной Европе, чем в Соединенных Штатах.

...В обществах, подобных нашему, давление, оказываемое стремлением к успеху, связанному с завоеванием престижа, приводит к устранению эффективных социальных ограничений в выборе мер, применяемых для достижения этой цели. Доктрина "цель оправдывает средства" становится ведущим принципом деятельности в случае, когда структура культуры излишне превозносит цель, а социальная организация излишне ограничивает возможный доступ к апробированным средствам ее достижения. Другими словами, положение такого рода и связанное с ним поведение отражают недостаточность координации, существующей в системе культуры. Результаты недостаточной интеграции в этой области очевидны в сфере международных отношений. Акцент на национальном могуществе не сочетается должным образом с не-

удовлетворительной организацией законных, то есть определенных и принятых в международном масштабе средств достижения этой цели. Результатом этого является тенденция к аккумулярованию международного права: договоры становятся лоскутом бумаги, "необъявленная война" служит технической уловкой, бомбардировка гражданского населения получает рациональное обоснование совершенно также, как в подобной же ситуации в обществе расширяется применение незаконных средств во взаимоотношениях между отдельными лицами.

Описанный нами социальный порядок с неизбежностью порождает это "стремление к распаду". Давление, оказываемое этим порядком, действует в направлении опережения конкурентов. Выбор средств в пределах институционального контроля продолжает существовать до тех пор, пока эмоции, поддерживающие систему конкуренции, то есть проистекающие из сознания возможности опередить своего конкурента и тем самым вызвать благоприятную реакцию со стороны других, распространяются на все области человеческой деятельности, а не сосредоточены исключительно на достижении конечного результата.

Для поддержания стабильности социальной структуры необходимо равномерное распределение эмоций в отношении составляющих ее частей. Когда происходит сдвиг от удовлетворения самим процессом соревнования в сторону озабоченности почти исключительно успехом в этом соревновании, возникает напряжение, ведущее к выходу из строя регулирующей структуры. Вместе с умалением в результате этого роли институциональных императивов возникает ситуация, похожая на ту, которую утилитаристы ошибочно считают типичной для общества в целом, когда расчет на ожидаемую выгоду и страх перед наказанием являются единственными результатами. В такого рода ситуации, как заметил Гоббс, насилие и обман становятся единственными добродетелями ввиду их относительной эффективности для достижения целей, которые для него, конечно, не проистекали из системы культуры...

Цит. по: Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1992. № 2.

О ДУХЕ ЗАКОНОВ

...Как только люди соединяются в общество, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу – отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества – отсюда война между отдельными лицами.

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами: это *международное право*. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношение между правителями и управляемыми: это право политическое. Есть у них еще законы, коими определяется отношение всех граждан между собою: это право гражданское...

Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодным и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, – что составляет задачу политических законов, – или только поддержание его существования, – что составляет задачу гражданских законов...

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, качествам

почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассматривать со всех этих точек зрения.

...В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях – подданным.

Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В самом деле, для республики столь же важно определить, как, кем, перед кем и о чем будет производиться голосование, как для монархии – знать, кто государь и как он должен управлять.

Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных.

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает своих уполномоченных, т. е. должностных лиц государства.

Подобно монархам и даже в еще большей степени народ нуждается в руководстве со стороны совета или сената. Но чтобы иметь к ним доверие, он должен сам избирать членов этих учреждений или непосредственно, как в Афинах, или через посредство особого учреждения, созданного народом для того, чтобы их выбирать, как это делалось в некоторых случаях в Риме.

Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознавать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительно удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснить случайностью.

Подобно тому, как большинство граждан вполне способны быть избирателями, но не имеют всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, народ способен контролировать деятельность других лиц, но неспособен вести дела сам.

Необходимо, чтобы дела шли и шли некоторым и не слишком замедленным шагом; но народ всегда или не в меру деятелен, или совсем безучастен. Иногда он все ниспровергает своими сотнями тысяч рук, но бывает и так, что на своих сотнях тысяч ног он ползет, как насекомое.

В демократическом государстве народ разделен на определенные классы. В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого разделения и зависели всегда прочность и процветание демократии.

...Разделение на классы населения, имеющего право голоса, составляет основной закон республики. Другим основным ее законом является способ подачи голосов.

Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам – аристократии.

Закон, определяющий самую форму подачи избирательных бюллетеней, также принадлежит к числу основных законов демократии. Здесь особую важность имеет вопрос, будет ли голосование открытым или тайным...

Когда голоса подает народ, то голосование, несомненно, должно быть открытым, и в этом следует видеть один из основных законов демократии. Нужно, чтобы руководители вразумляли простой народ и чтобы известные лица сдерживали его своим авторитетом...

О принципе демократии

Для того чтобы охранять и поддерживать монархическое или деспотическое правительство, не требуется большой честности. Все определяет и сдерживает сила закона и монархии и вечно поднятая длань государя в деспотическом государстве. Но народное государство нуждается в добавочном двигателе: этот двигатель – добродетель.

Политические деятели Греции, жившие во времена народного правления, не признавали для него никакой другой опоры, кроме добродетели. Нынешние же говорят... о мануфактурах, торговле, финансах, богатстве и даже о роскоши.

Когда эта добродетель исчезает, честолюбие овладеет всеми сердцами, которые могут вместить его, и все заражаются корыстолюбием. Предметы желаний изменяются: что прежде любили, того уже не любят; прежде была свобода по законам, теперь хотя бы свободы противопоказанной; каждый гражданин ведет себя, как раб, убежавший от своего господина: что было правилом, то стало казаться строгостью; что было порядком, то стало стеснением, осмотрительность называют трусостью, корыстолюбие видят в умеренности, а не в жажде стяжаний. Прежде имущество частных лиц составляло общественную казну, теперь общественная казна стала достоянием частных лиц. Республика становится добычей, а ее сила — это власть немногих и произвол всех.

Безграничная власть государя переходит здесь целиком к тем, кому он ее поручает. Люди с большим самоуважением могли бы затевать в таком государстве революцию, потому надо задавить страхом всякое мужество в людях и погасить в них малейшую искру честолюбия.

Правительство умеренное может по желанию и без опасности для себя ослабить бразды правления: оно держится собственной силой и силою законов. Но если в деспотическом государстве государь хотя бы на мгновение опустит угрожающую руку, если он не может без замедления уничтожить лиц, занимающих первые места в государстве, то все пропало, так как страх — единственное движущее начало этого образа правления исчез, а у народа нет более защитника.

Нужно, чтобы народ был судим по законам, а вельможи — по прихоти государя; чтобы жизнь последнего из подданных была ограждена, а жизнь пажей в постоянной опасности. Нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении.

Различные значения, придаваемые слову "свобода"

Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы,

как слово "свобода". Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие – право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи – право носить оружие и совершать насилия; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Иные соединяют это название с известной формой правления, отождествили понятие свободы с этим правлением, а люди, пользовавшиеся благами монархического правления, – с монархией.

Наконец, каждый именовал свободой то правление, которое наиболее отвечало его обычаям или склонностям. Так как в республике пороки правления, на которые жалуются люди, выступают не так заметно и назойливо, причем создается впечатление, что там более действует закон, чем исполнители закона, то свободу обыкновенно отождествляют с республиками, отрицая ее в монархиях. Наконец, ввиду того, что в демократиях народ, по-видимому, может делать все, что хочет, свободу приурочили к этому строю, смешав таким образом власть народа со свободой народа.

Что такое свобода

Действительно, в демократиях народ, по-видимому, делает, что хочет. Но политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т.е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принужденным делать то, чего не должно хотеть.

Необходимо уяснить себе, что такое свобода и что такое независимость. Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане.

Цит. по: Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1995.

МИФ МАШИНЫ

Одно из важнейших свойств классической бюрократии в том, что она ничего не порождает: ее функция – передавать без изменений и искажений приказы, поступающие сверху, из главного штаба. Никаким данным местного порядка или простым человеческим соображениям не позволено вмешиваться в этот негибкий передаточный процесс. Только коррупция или прямое восстание могут модифицировать эту жесткую организацию. Подобный административный метод требует, в идеале, усердного подавления всех автономных функций личности, готовности выполнять повседневные задачи с ритуальной точностью. Не впервые, как вы видели, ритуальный порядок входит в трудовые процессы. И кажется в высшей степени сомнительным, чтобы подчинение серой монотонности могло быть достигнуто именно в этот период, если бы ему не предшествовала тысячелетняя дисциплина религиозного ритуала.

На деле бюрократическая регламентация была частью более широкой регламентации жизни, введенной этой сосредоточенной на власти культурой. Ничто так не проясняет тексты пирамид с их утомительным повторением формул, как колоссальная способность переносить монотонность: способность, предвещающую пик всеобщей скуки, достигнутый в наши дни. Эта вербальная принудительность – психическая сторона систематического общего принуждения, вызвавшего к жизни трудовую машину. Только люди, в достаточной степени покорные, чтобы вносить регламентацию, или достаточно инфантильные, чтобы получить от нее удовольствие на каждом этапе – от приказа до исполнения – могли стать эффективными компонентами человеческой машины.

Цит. по: Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.

ТРАДИЦИЯ В АМЕРИКЕ*

Без традиции нет организованного общества. Ни один человек не в состоянии жить в организованном обществе, не испытывая самого серьезного влияния обычаев, не находясь под воздействием того, что мы называем традицией. Традиция – это накопленный опыт человечества. Она воплощает и содержит в себе то, что самыми разными способами перешло от тех, кто ушел, к ныне живущим. Традиция выражает себя в слове и живописи, в стали, в камне и мраморе, в дереве. Она вбирает в себя жизнь, и она сопряжена с формами, манерами, обычаями, процедурами, техническими приемами, стилями, с нравственными и моральными понятиями. Привычки и модели поведения, которые выступают как своеобразное проявление человеческих мыслей и эмоций, также вырастают из традиции.

Стало быть, традиция имеет отношение к достижениям и прогрессу в прошлом, к образу действия, к созиданию и конструированию, к организации, к речи и мышлению. Она включает в себя ценности и отношения к вещам, равно как привычки и навыки.

Заявить, что народ или государство полностью лишены традиций означало бы, в сущности, что у них нет и исторического прошлого, такая нация должна была бы существовать вне пределов человеческого общества, каким мы его знаем. Источники традиций обнаруживаются в том, что переходит от поколения к поколению, а это не является исключительно национальным феноменом. Национальные традиции не замыкаются в опыте только данного народа. Традиция – интернациональна и сверхнациональна в той же мере, в какой она и национальна.

Необходимо делать различие между традицией и традиционализмом, первое – это явление, второе – догма. Отрицать традицию в целом – это значит оспаривать очевидное. Мы все наслед-

---

* Отрывок из статьи Д. Фаррела “Традиция в Америке”.

ники традиции, мы ее продукты. Мы разными способами, с пользой для себя, к выгоде своей используем то, что было людьми продумано, выстрадано, выражено и создано в прошлом. Добавим, что мы не способны изобрести что-либо абсолютно заново. Мы не можем также выдумывать для себя все, что имеет в жизни какой-то смысл и значение. Нет достаточно серьезного аргумента, который оспорил бы роль традиций в жизни человечества, если они разумно оцениваются, принимаются или отвергаются с необходимой гибкостью, в соответствии с нашими нуждами. Традиции образуют сердце, кровь, артерии и вены человеческой цивилизации. Традиционализм – это, напротив, традиция, пораженная склерозом. Это – догматизация традиции. Все многочисленные формы традиционализма, будь то философские, эстетические, религиозные, политические, нравственные и практические, – все эти формы имеют одну общую особенность: догматизм. Для традиционализма, отличного от традиции, – ценности, совершенство, стандарты, правила игры, нравственный кодекс, оценки полезности и формы проверки – все это находится в прошлом. Целесообразность с точки зрения современности приносится в жертву во имя уважения к прошлому, преклонения перед прошлым. Прошлое представляется не только лучше настоящего – оно являет абсолютное совершенство. Мертвые лучше, чем живые, знали, как надо действовать, мыслить, чувствовать и трудиться. Влияние прошлого превращалось в его имитацию, мысль умерших должна была быть проверена живыми...

Противостоять надо традиционализму, а не традиции. Богата или бедна данная нация традициями, глубоки ли они или недавно народились – все это зависит от обстоятельств и сил, действующих в истории. Америку, называют, как в самой Америке, так и в Европе, "Новый Свет". Исторически Америка нова, а Европа стара. Однако многое из того старого, что есть в европейских традициях, вошло в опыт, в мышление, в развивающуюся традицию Америки, вне зависимости от чьего-либо желания.

И вплоть до сегодняшнего дня Америка продолжает сохранять многие элементы традиций старой Европы. Конечно, Америка – это дитя Европы в полном смысле этого слова. Она – продукт За-

падной Европы, греко-романской и иудео-христианской традиций как главных источников западноевропейской цивилизации.

В Европе мы имеем примеры демократических стран с высокими и богатыми традициями: таковы Великобритания и Франция. С другой стороны, Италия – страна с традициями, уходящими в глубь веков. Но великая, имеющая долгую историю традиция Италии не сделалась защитой от возвышения Муссолини и торжества фашистского движения и его партии. Традиция вовсе не обязательно становится препоной на пути разрушения свободы и демократии. Аналогичные наблюдения могут быть сделаны применительно к искусству и литературе.

Богатые творческие традиции в прошлом вовсе не гарантируют творческий подъем в настоящем и будущем.

Традиции следует оценивать и использовать исходя из того, насколько они созвучны нашим сегодняшним задачам.

...Главная проблема в сегодняшнем мире – это противостояние свободы и тоталитарной тирании и рабства. Главный источник возрождения старых расхожих аргументов относительно традиционной Европы и лишенной традиций Америки находится в сталинской Москве и в инспирированном ею международном движении, которое все больше напоминает заговор.

...Развернутая Советами кампания ненависти... стимулировала защиту и традиций, и традиционализма. Страх, высокомерие, весь набор чувств и эмоций – все это вносится в подобную исполненную фальши перепалку. Демагогическое использование лозунга защиты культуры является и поныне испытанным коммунистическим трюком. Это коммунистическая политическая кавалерия.

Всему ценному, что включает в себе наши традиции, угрожают все враги свободы, но самым опасным образом – поборники тоталитаризма.

Это следует повторять, не уставая...

Цит. по: Фаррел Д. О традициях // Новое время, 1992. № 21.

ПУТЬ К РАБСТВУ

...Демократический строй требует, чтобы сознательный контроль осуществлялся только там, где достигнуто подлинное согласие, в остальном мы вынуждены полагаться на волю случая – такова плата за демократию. Но в обществе, построенном на центральном планировании, такой контроль нельзя поставить в зависимость от того, найдется ли большинство, готовое за него проголосовать. В таком обществе меньшинство будет навязывать свою волю, потому что меньшинство окажется самой многочисленной из общественных групп, группой, способной достичь единого мнения по каждому вопросу.

...Мы не хотели бы делать фетиш из демократии... Демократия по сути своей – средство, инструмент, приспособление для поддержания социального мира и охраны свободы личности. Как таковая, сама по себе, она не является ни безупречной, ни надежной. Не следует забывать и того, что в истории расцвет культуры и духовной свободы приходится на периоды авторитарного управления, а не демократии и что проявление однородного, догматического большинства может сделать демократию более невыносимой, чем худшая из диктатур.

...Если демократия откажется от своей роли гаранта личной свободы, она может в общем-то существовать и при тоталитарных режимах. Подлинная "диктатура пролетариата", демократическая по форме, осуществляя централизованное управление экономикой, подавляет и истребляет личные свободы не менее эффективно, чем худшие автократии.

Часто обращают внимание на то, что демократия (в настоящее время. – *Сост.*) находится под угрозой – это стало модным и в этом таится некоторая опасность. Отсюда происходит ошибочное и безосновательное убеждение, что, пока высшая власть принадлежит воле большинства, это является верным средством от произвола. Противоположное утверждение было бы не менее оши-

бочно; вовсе не источник власти, а ее ограничение является надежным средством от произвола. Демократический контроль может помешать власти стать диктатурой, но для этого следует потрудиться. Если же демократия решает свои задачи при помощи власти, не ограниченной твердо установленными правилами, она неизбежно вырождается в деспотию.

Цит. по: Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вopн. философии, 1990. № 10-12.

М.Штирнер

ЕДИНСТВЕННЫЙ И ЕГО СОБСТВЕННОСТЬ

Моя свобода становится только тогда совершенной, когда она обращается во власть, и тогда я перестаю быть только свободным и становлюсь собственным. Почему свобода народов "пустой звук"? Потому что народы не имеют власти! Одним дуновением живого Я человек сметает целые народы, — все равно, будет ли это дуновение какого-нибудь Нерона, китайского императора или бедного писателя. Почему палаты депутатов тщетно рвутся к свободе и вынуждены выслушивать за это "внушение" министров? Потому что "власть" не в их руках! Власть хорошая вещь и полезная для многого, так как "с горсточкой власти больше преуспеваешь, чем с коробом прав". Вы жаждете свободы? Глупцы! Если бы вы захватили в свои руки власть, свобода пришла бы сама собой. Взгляните, кто имеет власть, тот "стоит над законом". По вкусу ли вам это, господа законопочитатели, "законники"? Но ведь у вас нет вкуса!

Громко раздаются отовсюду крики о "свободе". Но разве чувствуют и знают, что означает дарованная, предоставленная из милости свобода? Не понимают люди всего смысла того, что всякая свобода, в сущности, — самоосвобождение, то есть что я могу иметь лишь столько свободы, сколько добуду себе благодаря моему своеобразию. Что пользы овцам в том, что никто не ограничивает их свободу слова? Все равно они будут только блеять. Разрешите говорить что угодно человеку, который по своему

внутреннему складу магометанин, иудей или христианин, — он все равно будет говорить лишь очень ограниченные вещи...

Человек, которому "даровали" свободу, не что иное как отпущенный на волю крепостной, ЛИБЕРТИНУС, собака, которая тащит за собой обрывок цепи. Он, несвободный в платье свободного, — точно осел в лвиной шкуре...

Если государство должно рассчитывать на нашу человечность, то это значит, что оно должно рассчитывать на нашу "человечность", *нравственность*. Видеть друг в друге человека и относиться друг к другу как человек — это и называется нравственным образом действий...

...Нравственность не мирится с эгоизмом, потому что она признает *не меня*, а только человека во мне. Если, однако, государство — общество людей, а не собрание многих "я", из которых каждое думает только о себе, то оно не может существовать без нравственности и должно придерживаться ее.

Поэтому мы оба, государство и я, — в р а г и. Меня, эгоиста, благо этого "человеческого общества" ничуть не интересует: я ничего ему не жертвую, а только пользуюсь им, обращая его в мою собственность и мое творение, то есть я уничтожаю его и создаю вместо него союз эгоистов.

Итак, государство проявляет свою враждебность по отношению ко мне тем, что требует, чтобы я был человеком. Это предполагает, что я могу быть и не человеком и казаться ему "не-человеком". Далее, оно требует чтобы я ничего не делал, что ниспровергало бы его *существования*, следовательно, должно быть всегда свято для меня. Далее, я должен быть не эгоистом, а "честным человеком и порядочным", то есть нравственным человеком. Словом, я должен быть по отношению к нему и его существованию бессильным, почтительным и т.д.

Такое государство, разумеется, еще не существует, а которое должно быть только созданным, — идеал прогрессивного либерализма. Должно возникнуть истинное "общество людей", в котором есть место всякому "человеку". Либерализм хочет придать реальность абстрактному понятию "ЧЕЛОВЕК", хочет человека как такового, то есть создать для него мир, и таковым, полагают,

был бы мир человеческий или всеобъемлющее (коммунистическое) человеческое общество...

Моя мощь

ПРАВО – дух общества. Если общество имеет волю, то эта воля – право, оно поконится только на праве. Но так как оно существует только посредством господства над единичными, то право – его воля повелителя...

Всякое существующее право – чужое право, право, которое мне "дают", "распространяют на меня". Но разве я могу быть прав только потому, что все признают меня правым? А между тем, что такое право, которое я в государстве или обществе обретаю,

как не право, данное мне чужими? Если глупец оправдывает меня, то я начинаю колебаться в свой правоте: я не желаю, чтобы глупец оправдывал меня. Но если и мудрый оправдывает меня, это все же еще не составит моей правоты. Моя правота совершенно не зависит от решений глупцов и мудрецов. Тем не менее мы до сих пор домогались именно такой правоты. Мы ищем правоты и обращаемся с этой целью к суду. К какому? К королевскому, церковному, народному суду. Может ли султанский суд решать вопросы о правоте иначе, чем соответственно тому, что султан постановил считать правым? Может ли он признать мою правоту, если она не совпадает с понятием султана о правоте? Например, может ли суд признать правомерным решением государственную измену, если султан не признает ее таковой? Может ли цензурный суд даровать мне свободу слова и печати, если султан не пожелает признать за мною такого права?

Что же суд может дать мне? Он отстаивает правоту султана, а не мою, я там обрету чужую правоту. И только если эта чужая правота согласуется с моей, я тоже окажусь правым на этом суде.

Государство не допускает столкновений между людьми; оно противится всякому поединку. Даже всякая драка, при которой никто из участников не призывает полицию на помощь, наказуема, за исключением тех случаев, когда не какое-нибудь Я наносит побои какому-нибудь Ты, а глава семейства бьет своего ребенка: семья наделена правами, и от ее имени пользуется также и отец...

Прав ли я или нет – об этом никто другой не может судить, кроме меня самого. Другие могут судить и толковать лишь о том, признают ли они за мною право и является ли оно правом и в их глазах...

Но рассмотрим вопрос с другой стороны. Я должен почитать султанское право в султанстве, народное право – в республике, каноническое право в католической общине и т.д. Этим правам я должен подчиняться, должен считать их святыней. Такого рода "правосознание" и идея справедливости так прочно засели в головах людей, что даже крайние революционеры наших дней не прочь подчинить нас новому "священному праву" – "праву общества", общественности, праву человечества, "праву всех" и т.п. Право "всех" должно первенствовать над *моим* правом. Но, как право всех, оно было бы также и моим правом, так как и я принадлежу ко "всем", однако то, что оно в то же время право всех, ничуть не вынуждает меня защищать его. Я стою за него не как за *право всех*, а как за *мое* право, и пусть каждый другой человек таким же образом отстаивает и свое право. Право всех (например, право есть) – право каждого в отдельности. Пусть каждый охраняет это право для себя, и тогда все будут им пользоваться, но нечего каждому заботиться о всех и яростно отстаивать это право всех.

Но социальные реформаторы проповедуют нам "общественное право", которое превращает каждого в отдельности в раба общества, получающего права лишь в том случае, если общество *дает* ему их, то есть если он живет по законам общества, следовательно, если он лоялен...

Коммунисты утверждают, что "земля по праву принадлежит тем, кто ее обрабатывает, и продукты ее – тем, кто их производит". Я же полагаю, что она принадлежит тому, кто не позволяет отнять у себя ее, лишить себя ее. Если он ее присвоит себе, то ему принадлежит не только земля, но и право на нее. Это – эгоистическое право, то есть мне так удобно, поэтому это мое право.

В противном случае право всегда будет "двойственным". Тигр, бросающийся на меня, прав, и я, убивая тигра, тоже прав. Я охраняю против него не свое *право*, а самого себя. Так как человеческое право – всегда дарованное.

Так как человеческое право – всегда дарованное, то в действительности оно сводится к праву, которое люди друг другу дают, то есть "предоставляют". Если новорожденным детям предоставляют право на существование, то они имеют это право; если же это право не предоставляется, как это было у спартанцев и древних римлян, то они и не имеют его. Ибо дать или "предоставить" право может только общество, сами они не могут взять его или предоставить его себе. Быть может, возразят: отказали этому праву в *признании*. Но, значит, они и не имели права на подобное признание, как они не имели права требовать, чтобы их жизнь признавали и те звери, которым их бросали на съедение.

Много говорят о *прирожденном* праве и горько жалуются: о праве *прирожденном* нам, увь, никто не говорит. Но какое право "*прирожденное*"? Быть может, право владеть майоратным имением, наследовать престол, получить королевское или дворянское воспитание или право посещать бесплатную школу (если я родился от бедных родителей) и одеваться в пожертвованные лохмотья, или, наконец, право зарабатывать себе свой кусок хлеба и селедку, работая в угольных копиях и за ткацким станком? Разве все это не *прирожденные* права, права, которые я унаследовал от своих родителей по рождению? Вы думаете: "нет". Вы полагаете, что это – лишь "поддельные" права, вытекающие из эксплуатации, и эти мнимые "права" вы хотите уничтожить, заменить их *правом действительно природным*. Вы это доказываете тем, что возвращаетесь к самому простому (элементарному), и утверждаете, что каждый по рождению *равен* другому, то есть, что каждый *человек*. Я готов согласиться, что каждый человек рождается человеком и что новорожденные *в этом отношении равны*. Но почему они равны? Лишь потому, что ничем иным они себя еще не проявляют, что они при рождении только *дети человека*, голые человечки. Но этим они сразу же и отличаются от тех, которые уже успели стать чем-то, и уже не только "дети человека", а дети своего собственного творения. Последние имеют же не только одни *прирожденные* права – они также *приобрели* права. Какая противоположность, какое обширное поле борьбы! Старая борьба *прирожденных* прав человека с *благоприобретенными* правами.

Ссылайтесь сколько угодно на ваши прирожденные права, им постоянно будут противопоставляться права приобретенные. Оба противника стоят на почве права, ибо каждый противопоставляет другому какое-нибудь право: один – прирожденное или естественное, а другой – право приобретенности, или "благоприобретенное".

Оставаясь на почве права, вы можете превратиться в болтунов другой не может дать вам право и оказать "вам должную справедливость". У кого сила, у того и право; не обладая первой, вы лишены второго. Неужели так трудно постигнуть эту мудрость? Взгляните только на людей, обладающих властью, и на их деяния!

"Правовое государство... требует, чтобы чиновников отрешали от должности лишь *судьи*, а не *администрация*. Пустая иллюзия! Если бы законом определялось, что чиновник, замеченный однажды в пьянстве, должен быть лишен своей должности, тогда и судьям пришлось бы осудить его на основании свидетельских показаний. Короче говоря, законодатель должен был бы указать лишь все поводы и основания, по которым может состояться отрешение от должности, и судьи должны будут "на основании закона" ("в силу закона") выносить приговоры об увольнении, если будет установлено, что обвиняемый действительно виновен в том, за что привлечен к ответственности. И судьям придется так поступать, как бы смешны ни были основания и поводы, например: "Должен быть уволен со службы всякий, кто засмеялся в лицо своему начальнику или кто не ходит каждое воскресенье в церковь, или тот, кто делает долги, кто не проявляет достаточной решительности, и т. д. "

Всякий судья, как *судья*, совершенно теряется, если он перестает действовать механически, если у него отнять "Положение о доказательствах". Тогда у него остается, как у всякого обыкновенного смертного, лишь свое собственное *мнение*, то это уже не *должностной акт*, в качестве судьи он обязан решать дела исключительно "по закону". Уж лучше, как было в старых французских парламентах, которые сами решали и определяли законность решений. Они, по крайней мере творили суд по собственному праву и не желали превращаться в машину законода-

теля, хотя в качестве судей они, разумеется, должны были стать своими собственными машинами.

Говорят, что наказание – "право" преступника. Однако безнаказанность также его право. Если его замысел удался – он в своем праве, а если не удался он ему – тоже поделом. "Как постелешь себе, так и спишь". Если кто-нибудь с безумной отвагой подвергает свою жизнь опасности и при этом погибает, мы говорим: "Поделом ему, он сам того хотел!" Но если бы он преодолел опасности, то есть если бы победила и одержала верх его *сила*, то он был бы правым. На таком же основании признают правильным, чтобы преступник нес последствия своего рискованного шага: зачем было рисковать, зная, какие могут быть последствия. Но "кара", к которой мы его приговариваем, *наше* "право", а не его право! *Этим* низшим "правом" мы отвечаем на его право, и он оказывается "неправым" лишь потому, что мы пересилили его.

Однако то, что общество признает правым и правомерным, оно выражает также в *законе*.

Лояльный гражданин должен уважать закон, каким бы он ни был. Восхваляется, например, чувство законности "Старой Англии". Этому соответствуют слова Эврипида ("Орест"): "Богам мы служим, какими бы они ни были". *Закон вообще, Бог вообще* – вот к чему пришли в наши дни.

Стараются отличать *закон* от произвольного *приказания*, от какого-нибудь распоряжения: закон исходит от правомерного авторитета. Однако всякий закон, регулирующий человеческие поступки (например, этический, государственный закон и т.д.), всегда является *объявлением воли*, и следовательно, приказанием. Даже если бы закон я дал *самому* себе, то это все же было бы лишь моим приказанием, которому я в следующий момент могу отказать в повиновении. Всякий может, конечно, определить, что он намерен позволить относительно себя, и тем самым запретить противоположное законом, объявляя нарушителя этого закона своим врагом. Но никто не может распоряжаться моими поступками, никто не смеет предписывать мне тот или другой образ действий, устанавливать для этого закон. Я должен мириться с тем, что он будет относиться ко мне, как к врагу, но не могу допустить, чтобы он распоряжался мною, как своей креатурой, и

чтобы он свой разум или свое неразумие навязывал мне в руководители.

Государства существует лишь до тех пор, пока имеется господствующая воля, и эта господствующая воля считается равнозначной собственной воле. Воля властителя – закон. Что, помогут тебе твои законы, если им никто не следует, что значат твои приказания, когда никто не позволяет приказывать себе? Государство не может отказаться от притязания на то, чтобы определять волю единичного лица и рассчитывать на свое воздействие на нее, для него безусловно необходимо, чтобы никто не имел собственной воли; если кто-либо обнаружил таковую, то государство должно было бы его исключить (запереть, изгнать и т.д.); если бы все имели свою отдельную волю, то они уничтожили бы этим государство, ибо оно должно хотеть быть господином всех, кого оно в себе включает, и эту волю называют "государственной волей".

...Если прекратится покорность, то неминуемо уничтожится и господство.

Моя собственная воля – губитель государства, поэтому оно клеймит ее как своеволие. Собственная воля и государство – смертельно враждебные силы, между которыми невозможен "вечный мир"...

Всякое государство – *деспотия*, независимо от того, существует ли один деспот или их много, как в республике – все властвуют, то есть один властвует над другим. Это происходит в том случае, если каждый данный закон, как выражение мнения и воли собрания, становится *законом* для единичного лица, которому он обязан повиноваться или по отношению к которому у него есть *обязанности* послушания. Если даже предположить тот случай, что каждый единичный человек в народе изъявил бы ту самую волю, и если таким образом осуществилась бы полная "всеобщая воля", дело нисколько не изменилось бы...

"Но все пошло бы вверх дном, если бы каждый мог делать все, что он хочет!" Кто ж говорит, что каждый может все делать? На то ты и существуешь, чтобы не допускать по отношению к себе всего, что угодно! Оберегай себя, и никто ничего тебе не сделает! Тот, кто хочет сломить твою волю, имеет дело с тобой: он твой *враг*. Действуй против него как против такового...

Обычно государства классифицируют сообразно распределению в них высшей власти. Если она сосредоточена в одном лице – это монархия, если ею владеют все – демократия и т.д. И так все – дело в высшей власти! Власти по отношению к кому? По отношению к единичному и его "своеволию". Государство проявляет власть (насилие), единичному это не дозволено. *Деятельность государства заключается в насилии: свое насилие оно называет "правом", насилие же каждой личности – "преступлением"*. Следовательно, преступлением называется насилие единичного лица, и только преступлением сокрушает он насилие государства, если он того мнения, что не государство выше его, а он выше государства.

...Я, спрашиваю тех, которые хотят быть эгоистами: что они считают более эгоистичным – позволять, чтобы вы давали им законы и уважать эти, данные им, законы или оказывать сопротивление и даже полное неповиновение? Добродушные люди полагают, что законы должны предписывать лишь то, что кажется народу вполне справедливым. Но что мне до этого, что считается народом справедливым или правильным? Народ может быть против богохульника – и издается закон против богохульства. Из-за этого мне не богохульствовать? Разве этот закон может быть для меня больше, чем "приказание"? – спрашиваю я.

Все правительственные мудрецы исходят исключительно из того основоположения, что все право и вся власть принадлежат совокупности народа; никто из них не забывает ссылаться на совокупность, и деспот, так же как президент или всякого рода аристократическое правительство, действует и повелевает "именем государства". В их руках "государственная власть", и совершенно безразлично, проявляют ли это государственное насилие народ как совокупность единичных лиц или только представители этой совокупности, многие, как при аристократическом строе, или один, как в монархии. Всегда совокупность первенствует над единичным лицом и имеет силу, которая называется законной, то есть которая становится правом.

По отношению к святости государства единичное лицо – лишь сосуд бесчестия, в котором, как только он не признает святости государства, ничего не остается, кроме гордыни, злонаме-

ренности, страсти к издевательствам, легкомыслия и т.д. Священствующая надменность государственных слуг и подданных изобрела превосходные наказания против мирской "гордыни".

...В государстве безудержное, безоковное я, такое я, которое принадлежит только мне одному, не в состоянии усовершенствовать и осуществить себя. Каждое "я" уже от рождения преступник по отношению к народу, к государству. Поэтому оно действительно, и следит за всеми: в каждом видит эгоиста, а эгоиста оно боится. Оно заранее ожидает от каждого самого худшего и заботится, полицейский заботится о том, "чтобы государству не был причинен вред". Безудержное "я" – а мы таковы все первоначально и таковыми остаемся в тайне – постоянный преступник в государстве. Человека, который руководится своею смелостью, волей, своею беспощадностью и своим бесстрашием, государство и народ окружают шпионами. Я говорю – народ! Народ – и вы в своем благодушии думаете, что народ удивительно как высок, – народ насквозь пропитан полицейским образом мыслей, народу приятен только тот, кто отрицает свое я, кто занимается "самоотречением".

...Над нами властвовали постоянно понятия, идеи или принципы и что среди этих властителей наиболее властными было правовое понятие или понятие справедливости.

Прав я или нет – это для меня совершенно безразлично: если только я силен, то я уж тем самым обрел право и не нуждаюсь ни в каком ином полномочии или утверждении своего права.

Право – помешательство, которым наделяет какой-то призрак; сила – это я сам, ибо я – силен и являюсь собственником силы. Право надо мною, оно абсолютно и существует в каком-то высшем существе, милостью которого я обретаю его. Право – милость, даруемая мне судьей: сила и власть только во мне, властном и могучем.

Мое общение

Народ может быть свободен лишь ценой свободы единичного лица, ибо при такой свободе на первом плане стоит народ, а не единичный человек. Чем свободнее народ, тем связаннее, зависи-

мее отдельный человек: афинский народ создал как раз в самый период величайшей свободы остракизм, изгонял атеистов, отравил честнейшего мыслителя.

Как прославляют Сократа за его честность, за то, что он не последовал совету бежать из темницы! Но он поступил как глупец, признав за афинянами право приговорить его к смерти. Поэтому он, во всяком случае, заслужил и свою участь: зачем он считался с афинянами как с равными! Почему он не порвал связей с ними? Если бы он знал и мог знать, что он такое, он не признал бы за своими судьями прав над собой. То, что он не признал бегство, было именно его слабостью, было безумием с его стороны думать, что он имеет что-то общее с афинянами, что он – член и только член этого народа. Напротив, скорее он был олицетворением народа и только сам мог быть своим судьей. Над ним не было никаких судей, он действительно сам изрек над собою публичный приговор, признав себя достойным содержания на общественный счет. При этом решении ему и следовало оставаться, и должен был презреть приговор афинян и бежать. Но он покорился и признал в народе своего судью, он смирился перед "величеством" - народом. Смирившись перед насилием как перед "правом", он совершил предательство, измену относительно себя: это было – *добродетелью*.

...Сократу следовало знать, что афиняне – его враги и что он один себе судья. Самообман "правовым порядком", "законом" и т.д. должен был исчезнуть перед сознанием того, что тогдашние отношения определялись лишь *силой*.

Эллинская свобода завершилась кривосудием и интригами. Почему? Потому, что простые греки еще менее могли достигнуть той последовательности, до которой не в силах был додуматься даже такой большой ум, как Сократ. Что такое крючкотворство, как не один из способов использовать все существующее, не отменяя его? Я мог бы добавить – "для собственной выгоды", но ведь это заключается уже в слове "использование"...

...Сократ признавал право, закон – греки подчинялись всегда авторитету закона и права...

...Греческое право, на которое опирались греческие государства, должно было подвергаться искажению и нарушению со

стороны эгоистов этих государств, и *государства* эти погибали ради свободы *единичных людей*; греческий народ пал потому, что единичные личности ставили себя выше этого народа. Вообще все эти государства, конституции, церкви и т.д. погибали вследствие *ухода* отдельных людей, ибо единичный – непримиримый враг всякой *всеобщности*, всяких уз, цепей. Все же и до сих пор воображают, будто "священные узы" необходимы человеку, который на самом деле – смертельный враг всяких уз. Всемирная история показывает, что не было тех оков, которых бы наконец не порвали, что человек неустанно борется против оков всякого рода, и все же люди в каком-то ослеплении продолжают измышлять все новые и новые узы. Воображают, например, что задача решена, если наложить на себя оковы так называемой свободной конституции, красивое конституционное ярмо: орденские ленты, узы доверия по-видимому, уже теряют обаяние, однако дальше чем от помочей до повязок и ошейников не пошло.

Все святое (всякая святыня) – оковы, цепи

Все святое извращается и должно извращаться казуистами "права", поэтому наше время так изобилует крючкотворами во всех областях. Они готовят крушение права и наступление этой эпохи бесправия.

То, что называется государством, – сплетение и сеть зависимости и связанности, оно – своего рода *сопринадлежность*, взаимоподчинение, причем соподчиненные или соединенные зависят друг от друга. Оно – *порядок* этой *зависимости*.

Наилучшим государством будет, очевидно, то, которое будет иметь наиболее преданных граждан, и чем более теряется чувство законности, тем более сил и достоинства теряет и государство, эта система нравственности, эта "истинная" нравственная жизнь. Вместе с "добрыми гражданами" исчезает и благоустроенное государство: оно разлагается среди анархии и беззакония. "Уважение перед законами!". Этим цементом скрепляется целостность государства. Закон *свят*, и кто его нарушает – *преступник*.

Без преступлений нет государства: нравственный мир – а это есть государство – полон обманщиков, мошенников, лжецов, воров и т.д. Так как государство – "господство закона", иерархия

его, то эгоист во всех тех случаях, где его польза идет вразрез с пользой государства, может удовлетворить свои желания только путем преступления.

Государство не может отказаться от притязаний на то, что его законы и распоряжения святы, и при этом единичный считается таким же не-святым (варваром, дикарем, "эгоистом") по отношению к государству, каким когда-то считался по отношению к церкви. Для единичной личности государство окружает себя ореолом святости.

Какая глупость требовать от государственной власти, чтобы она вступила в "честную" борьбу с единичной личностью, чтобы она делила с ней, как выражаются о свободе печати, "свет и воздух". Если государство, эта отвлеченная идея, должно стать реальной силой, то именно оно и должно быть властью, стоящей выше единичной личности. Государство "священно" и не должно терпеть "дерзких нападений" единичной личности. Если государство *священно*, то должна существовать цензура. Политические либералы принимают первое и отрицают вытекающие из этого выводы. Но все-таки они признают за государством право репрессий – они глубоко убеждены в том, что государство нечто *большее*, чем единичная личность, и что оно вправе мстить, называя свою месть *наказанием*.

Цит. по: Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994.

Ф.Й.Штраус

ВЫГОДА И СВОБОДА

Выдвигая лозунг о равенстве шансов, социалисты хотят прежде всего добиться равенства результатов. Исходных индивидуальных различий между людьми – один трудолюбив, другой менее трудолюбив, один смышлен, другой менее смышлен, у одного больше хороших качеств, чем у другого, – социалисты не хотят принимать во внимание. Тем не менее в результате вмешательства со стороны государства каждый должен пользоваться по

крайне мере равными материальными результатами. Но все предпринимавшиеся до сих пор попытки прийти к такому результату через насильственно насаждаемую уравниловку оказывались дорогой не в рай, а в преисподнюю, и сказочная страна всех реформаторов общества – Советский Союз – более шести десятилетий являет в этом отношении наглядный пример.

Все нивелирующее равенство, каким его хочет иметь социализм, пропагандируя как земной идеал, как часть более высокого гарантированного государством, а в случае необходимости и создаваемого путем насилия качества жизни, превратило бы свободу человека в бессмысленность. Оно уничтожает всякое стремление личности к продвижению, возвышению и приобретению собственности. Заодно оно разрушает и сильнейший двигатель жизнеспособности общества – так сильно критикуемый принцип производительности. Но радикальное равенство противно натуре человека. Наш правовой строй исходит из принципа свободы личности и ее свободного развития в рамках правового государства...

Призывы социалистов к усилению роли государства, непрерывное повторение требований о регистрации и регулировании капитальных вложений, подстегивание обвального роста запросов, дискредитация стремления личности, прежде всего предпринимателя, ко все более производительной деятельности и компрометация готовности идти на риск – все это содействует выработке представлений, слишком преуменьшающих личную ответственность индивида и слишком преувеличивающих ответственность государства за удовлетворение всех реальных и нереальных потребностей. Таким образом, систематически прививаются три антигуманных и антиобщественных человеческих качества: зависть, трусость, лень. Все сферы жизни засоряются бюрократическими инструкциями об опеке государства над гражданином, причем поток законодательных актов и административных распоряжений явно перехлестывает здесь через край...

...Я считаю, что чем больше самостоятельных предпринимателей, тем больше, следовательно, людей, которые самостоятельно планируют и действуют, самостоятельно думают и решают, самостоятельно кое-чем также рискуют. Чем выше в среде како-

го-то народа процент людей, действующих в этом смысле под собственную ответственность, тем выше демократическая зрелость этого народа.

В странах, где государство распределяет и выделяет сырьевые материалы, распоряжается производством, предписывает распределение рынков, не допуская при этом никакого соревнования, устанавливает размеры доходов и извещает гражданина о том, какие из случайно появляющихся на рынке товаров он может в каждый данный момент получить, — а именно так обстоит дело еще во многих странах, общественная система которых восхищает кое-кого на Западе, — в этих странах гражданин является только объектом, который идет на помочах и не имеет возможности принимать самостоятельные решения. Как раз богатство рынка, с одной стороны, и ограниченная покупательная способность — с другой, изо дня в день заставляют миллионы людей вновь и вновь включаться в процесс принятия решений. И при этом нельзя игнорировать значение этого процесса для внутренней ценности индивида, для сохранения индивидуальности каждой отдельной личности. В этом заключается разница между тотально опекаемым и самостоятельным гражданином. Первый — объект, второй — субъект всего того, что происходит в государстве и обществе.

...Для меня любой мелкий предприниматель, вплоть до самого последнего самостоятельного ремесленника или розничного торговца, является в ряде случаев более надежным или, во всяком случае, более убедительным гарантом свободного строя, нежели любой подвизающийся в руководстве крупного предприятия или в крупной хозяйственной организации высокооплачиваемый менеджер, которого можно использовать в любой общественной системе, но и в любое время заменить.

Само собой разумеется, я вполне отдаю себе отчет в том, насколько необходимо существование крупных предприятий. Я вполне сознаю, что определенные экономические цели теперь уже недостижимы без крупных предприятий.

...И тем не менее обширная и разветвленная сеть предприятий среднего размера образует, так сказать, каркас, систему пружин, обеспечивающих функционирование нашей эластичной,

дееспособной экономической системы и нашего свободного строя.

...Когда мы говорим о необходимости содействия среднему сословию и средним слоям, то речь идет не об уступках отдельным группам, а о политической стратегии, направленной на обеспечение способности строя рыночного хозяйства и нашего свободного общества приспосабливаться к сложившимся условиям и сохранять свою эффективность. Широкий и высокопроизводительный средний слой, состоящий из самостоятельных предпринимателей в торговле, различных промыслах, ремеслах и в сельском хозяйстве, из представителей свободных профессий, а также из тех, кто входит в ряды несамостоятельного среднего сословия, — это важная предпосылка дееспособности и самого существования нашего свободного общества. Ориентирующаяся на будущее политика в отношении среднего сословия ставит своей целью такое улучшение общих условий деятельности мелких и средних предприятий, чтобы эти предприятия ощущали, насколько важны их многообразные функции в системе социального рыночного хозяйства. Эта политика должна компенсировать структурные невыгоды положения предприятий ремесленного среднего сословия по сравнению с крупными предприятиями путем принятия различных мер в области налоговой и кредитной политики и по линии размещения государственных заказов, а также путем улучшения деятельности консультационной службы. Необходимо открыть для средних предприятий доступ на международные рынки и облегчить им пользование этими рынками. Все законодательство и все административные мероприятия следует оценивать с учетом обеспечения ими эффективной поддержки среднего сословия. Нужно использовать все разумные возможности для изъятия из компетенции государства задач, которые должны решаться силами частного сектора. В условиях динамичного развития экономики политика в отношении среднего сословия не может гарантировать существование каждого среднего предпринимателя, но она должна предоставить каждому из них возможность собственными силами самодетерминироваться в обстановке любых экономических испытаний. Доступ к самостоятельной деятельности должен быть всегда открыт...

Существование в условиях свободы и благосостояния обязывает наших граждан проявить заботу в деле обеспечения свободного существования своих потомков и бороться за свободу людей в тех частях мира, где они вынуждены существовать в обстановке величайшей и зачастую самой унижительной зависимости – как материальной, так и политической...

В рамках экономического строя, основанного на принципе свободы, частная собственность на средства производства, включая земельную собственность, является неотъемлемым правом. Точно так же свобода выбора потребительских товаров является основным экономическим правом.

Для нас экономическое устройство, обеспечиваемое социальным рыночным хозяйством, является гарантией свободных прав всех граждан. Поэтому оно служит важным условием существования общественного и государственного строя, ориентирующегося на принципы свободы. Социальное рыночное хозяйство доказало, что оно умеет гарантировать эти права наилучшим образом. Оно покоится на частной собственности, свободном соревновании и на регулировании вопросов использования средств производства на основе рыночных отношений, свободы заключения договоров и коалиций, тарифной автономии, равенства шансов и оптимальных социальных гарантий. Социальное рыночное хозяйство соединяет величайшую экономическую эффективность с максимальными шансами на индивидуальное самоутверждение. Оно сделало возможным создание всеобъемлющей системы социальных гарантий и обеспечило далеко идущий компромисс...

Как всякая политика, основанная на принципе свободы, социальная политика требует, во-первых, понимания того, что необходимо, возможно и осуществимо: во-вторых, способности и готовности определить и сделать практическим ориентиром верное сочетание желаемого и возможного и, в-третьих, мужества, необходимого для того, чтобы сказать то, что нужно, даже и тогда, когда желаемое и возможное не совпадают. Только так социальная политика может внести собственный вклад в дело обеспечения большей человеческой свободы.

Цит. по: Штраус Ф. Й. Выгода и свобода // Новое время. 1992. № 17.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Арендт Ханна (1906–1975) – американская исследовательница, философ, социолог.

Бенеш Эдуард (1884–1948) – политический и государственный деятель Чехо-Словакии, президент этой страны в 30-е годы нашего столетия.

Бжезинский Збигнев – современный американский политический деятель, советник вашингтонского Центра стратегических и международных исследований.

Вебер Макс (1864–1920) – выдающийся немецкий социолог и политолог.

Вятр Ежи – современный польский социолог.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – великий немецкий философ, основатель диалектического метода познания, исследователь государства и права.

Гельвеций Клод Адриан (1715–1771) – французский философ-материалист, идеолог революционной французской буржуазии.

Гроций Гуго (1583–1645) – выдающийся голландский юрист, социолог, государственный деятель.

Дюркгейм Эмиль (1858–1917) – французский социолог, основатель французской социологической школы.

Маркс Карл (1818–1883) – выдающийся немецкий ученый, теоретик, основатель (совместно с Ф.Энгельсом) диалектического и исторического материализма, включающего учение о классовой природе и сущности государства и права.

Мертон Роберт Кинг (1910) – американский социолог, представитель структурно-функционального анализа.

Монтескье Шарль Луи (1689–1775) – выдающийся французский мыслитель и правовед эпохи французского Просвещения.

Мэмфорд Льюис (1895) – американский философ и социолог, автор многочисленных работ по специальным проблемам техники, урбанизации, науки и утопическим формам сознания.

Фаррелл Джеймс (1904–1979) – американский писатель, классик американской литературы XX века.

Хайек Фридрих Август (1899) – выдающийся австрийский философ-моралист, экономист, исследователь психологии, права, истории.

Штирнер Макс (1809–1865) – немецкий философ, теоретик анархизма.

Штраус Франц Йозеф (1915–1988) – крупный политический деятель ФРГ, лидер баварского Христианско-социального союза.

Дамир Асхатович Ягофаров

Власть, политика, государство, право

Хрестоматия

Редактор В.И.Попова

Технический редактор Э.А.Максимова

Компьютерный набор и верстка Кормщикова Е.Л., Иванова Е.М.

Компьютерный набор и верстка осуществлены на технической

базе Отделения страноведения и международного права

исторического факультета УрГУ

ЛР №020257 от 22.11.96

Подписано к печати 20.01.97   Формат 60х84 ¹/₁₆.

Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная.

Усл. печ.л. 6,0.   Уч.-изд.л. 6,0.   Тираж 500. Заказ 117/

Уральский государственный университет им.А.М.Горького.

Екатеринбург, пр.Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ. Екатеринбург, пр.Ленина, 51.